

An impressionistic landscape painting. The top half shows a pale, overcast sky with visible brushstrokes. Below the sky is a range of mountains, with the highest peak covered in snow. The middle ground features rolling green hills and a valley with some small buildings. The foreground is dominated by a field of tall, golden-brown grasses and green foliage, rendered with thick, expressive brushstrokes.

Светлана Бестужева-
Лада

Царская внучка

Альтернативная история

Светлана Игоревна Бестужева-Лада

Царская внучка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11314132

ISBN 978-5-4474-1828-1

Аннотация

Прикоснувшись к неисправному вентилятору, Анна Алексеевна, редактор книжного издательства, которое специализируется на «альтернативной истории», внезапно обнаруживает себя в восемнадцатом веке, да еще в теле принцессы Мекленбургской, племянницы императрицы Анны Иоанновны.

Прекрасно зная, какая судьба ждет в реальной истории принцессу Анну, она делает все возможное, чтобы избежать всего этого.

Содержание

Книга первая	5
Глава первая. Перегрев	5
Глава вторая. Благодать божия	14
Глава третья. Дела государственные и не только	23
Глава четвертая. Первая кровь и последние слезы	32
Глава пятая. Дела государственные и не только	41
Глава шестая. О записках, травах и молитвах	50
Глава седьмая. Свадебные колокола	59
Глава восьмая. Москва златоглавая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Царская внучка
Альтернативная история
Светлана Игоревна Бестужева-Лада

© Светлана Игоревна Бестужева-Лада, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Книга первая

Глава первая. Перегрев

Москва плавилась не столько под лучами июльского солнца – они едва пробивались сквозь удушливую молочно-белую пелену смога и дыма от подмосковных пожаров – сколько под волнами беспощадного жара, даже ночью не отступавшего перед прохладой. Счастливики с кондиционерами наслаждались прохладой и возможностью в любой момент простудиться. Подавляющее большинство горожан молча страдало, меньшинство – спасалось эвакуацией за город и за пределы России вообще.

Я принадлежала к подавляющему большинству. Кондиционеров не было ни дома, ни в издательстве, куда я должна была являться пять дней в неделю, уехать куда-либо было невозможно: свой отпуск я легкомысленно отгуляла в мае, в старом добром Крыму у осевшей там институтской приятельницы. Поэтому – тоже страдала.

А еще – тихо ностальгировала о молодых годах, когда погоду замечала постольку поскольку, а жару вообще любила самозабвенно. Очень любила сравнивать себя со змеей: мол, температура тела у меня идентична температуре окружающей среды, и ежели термометр за окном показывает тридцать шесть и шесть – это самое оно то. Как говорится в народе «зубов не стало – орехи принесли»: на улице (да и дома) как раз такая температура... Только я изменилась.

Пятьдесят – не двадцать пять и даже не тридцать восемь. Хотя мне некоторым образом повезло: я исхитрилась сохранить стройную фигуру и почти гладкое лицо, но существенно поумнела. Любовные переживания меня уже не волновали, одиночества я не боялась ни капельки – привыкла за пять лет вдовства, а работа чрезвычайно удачно сочеталась с хобби: всегда интересовалась историей и трудилась теперь редактором исторических произведений в достаточно крупном издательстве.

К тому – нынче все кинулись писать исторические романы, причем не абы какие, а – альтернативные. То есть: что было бы если бы... Об аксиоме «у истории нет сослагательного наклонения» забыли намертво, как, впрочем, и о самой истории. Большинство авторов, с рукописями которых мне в последнее время доводилось работать, изучали сей предмет, в основном, по произведениям не историков, а писателей. И вполне могли, зашвырнув своего героя в очень отдаленное (или просто отдаленно) прошлое, перепутать эпохи, правителей и вообще все на свете.

Первое время я пыталась протестовать и отклонять такие произведения. Но быстро поняла, что один в поле – не воин. Вызвавший меня для беседы директор издательства доходчиво объяснил, что читателям нужна фабула, а не историческая точность, и что мое дело – исправлять корявые фразы и следить, чтобы имена персонажей не менялись по ходу повествования. Что ж, больному, как говорится, легче. Но если молодые читатели будут составлять представление об истории по этим произведениям...

Нет, Россия совершенно точно страна с абсолютно непредсказуемым прошлым!

И сегодняшний день практически ничем не отличался от предыдущих. Если не считать того, что в порядке исключения всех редакторов на четверг и пятницу отпустили работать по домам: температура в офисе подбиралась к сорока градусам. У меня в квартире было ненамного прохладнее, а на лоджии, выходящей на юг, вообще, по-моему, маленький кусочек Сахары.

Выспаться не удалось, как, впрочем, и в течение всего предыдущего месяца – постель становилась мокрой уже через час. Заниматься домашними делами, как то – уборкой или

стиркой – мог только потенциальный самоубийца. Оставалось только одно средство – продолжить редактирование очередного шедевра, расположив напольный вентилятор в максимальной близости от компьютерного стола и поставив ноги в тазик с прохладной водой. Что я и сделала.

Точно помню, что как раз перешла к описанию автором княгини Дашковой – «стройной, черноволосой красавицы с обольстительным ртом и порочными черными глазами». Возмутиться не успела, хотя причина была более чем веской: уж портреты-то Екатерины Дашковой давным-давно развешены по всему Интернету. Не была она ни брюнеткой, ни красавицей, ни, тем более обольстительницей. Потому что...

Тут вентилятор как-то странно заскрипел и заискрился. Тоже перегрелся, судя по всему. Не отнимая правой руки от «мышки», я потянулась у кнопке «Стоп» у засбоившего агрегата. И тут же ощутила, как очень неслабый разряд проскочил через мой организм на компьютер.

Я отключилась раньше, чем умная машина, хотя вентилятор все-таки успела остановить...

.....
Очнувшись через неопределенный промежуток времени я поняла, что случилось худшее: в квартире сгорело все, что как-то связано с электричеством. Во всяком случае, воздух был не просто спертым – смрадным. Пахло примерно так, как в метро – от разлегшегося на боковой скамейке бомжа. И прохладнее не стало – скорее наоборот: я просто задыхалась от жары. Удивляло одно: я задыхалась **лѐжа**. Причем не на жестком ковролине, устилавшем пол в комнате, и даже не на собственной, изученной вдоль и поперек тахте, а на чем-то провально-мягком.

Судя по запаху, я попала в ад. По другим ощущениям – возлежала на плохо взбитом облаке, то есть теоретически находилась в раю. Прошло несколько очень долгих минут, прежде чем я решила прикрыть глаза.

Я обнаружила себя в помещении, размеры которого затруднялась определить, так как стены терялись в полумраке, окна (если они были) надежно прятались за портьерами и разглядеть можно было только потолок. Точнее, обильную лепнину в виде ангелочков, цветочков, гирлянд и прочих штучек, давно вышедших из современного обихода.

На больницу это было похоже не больше, чем музейная зала на мою квартиру. Куда меня занесло? Или просто очередной кошмар из-за перегрева?

Я поднесла руку к голове и обнаружила... косу. Вот тут мне стало поспокойнее: периферически я вижу себя во сне с пышной шевелюрой и персиково-гладкой кожей. Стало быть, сплю. Ну и славненько.

Снова закрыв глаза, я приготовилась окунуться в очередное сновидение, но этому помешало противное и назойливое жужжание над ухом. Комар! Причем, скорее всего не один, потому что я начала ощущать укусы. Вот это уже переходило границы разумных сновидений: комаров в них не могло быть потому, что все окна в квартире оборудованы сетками, а сверх того еще стоят электрические пугалки.

Я резко села. Жужжание не прекратилось, но хотя бы кусаться эти маленькие твари перестали. Руки, впрочем, уже зудели. Я поднесла наиболее пострадавшую конечность поближе к глазам и... почувствовала, что у меня четко заходит ум за разум.

Вместо ухоженной, с модным свежим маникюром руки женщины средних лет я увидела тонкую, бледную руку с коротко остриженными ногтями и безупречно-гладкой кожей. Красивую руку, должна заметить: с узкой ладонью и длинными пальцами, на одном из которых переливалось всеми цветами радуги кольцо. Похоже, с бриллиантом. Причем с таким бриллиантом, которые водятся только в кинофильмах или Оружейной палате.

Глаза уже достаточно привыкли к полумраку и я обнаружила, что возлежу на широкой кровати с невероятным количеством подушек и подушечек, но с простынями сомни-

тельной свежести, хотя и шелковыми, судя по ощущениям. Вместо одеяла имелась перина такой толщины, что непонятно, как она вообще меня не придавила. Меня?

Я с некоторым усилием отбросила пуховое укрытие и обнаружила, что облачена в сомнительной свежести рубашку из тонкого и когда-то белоснежного батиста. А когда, наконец, приняла сидячее положение, то выяснила, что рука с бриллиантовым кольцом – это ерунда; я, оказывается, была еще и обладательницей двух маленьких ножек. Без педикюра и – увы и ах! – грязноватых. Приподняв подол батистового сооружения, я поняла, что конечности мои не мыты как минимум две недели. И что неприятный запах, поразивший меня при пробуждении, исходит от меня самой.

Голова работала ясно и четко, но... ничего путного не вырабатывала. Первичный осмотр моей персоны показал, что я помолодела лет на сорок, избавилась от таких примет цивилизации, как опрятность и соблюдение элементарных гигиенических навыков, нахожусь в роскошном, но порядком запущенном помещении – где?

Ответ на последний вопрос я получила, когда подкралась к портьерам и отогнула пыльный край. В лицо ударил дневной свет, так что я временно ослепла. Пришлось переждать немного и потихонечку восстанавливать зрение. За свои усилия я была вознаграждена открывшимся из окна видом на широкую темную реку без признаков набережной и... шпицем Петропавловской крепости, возвышавшемся на другом берегу.

Та-а-к. Стало быть, Санкт-Петербург. После Петра Великого, но до не менее великой Екатерины, ибо в противном случае Нева уже оделась бы в гранит. Неужели в той писанине, которую я так усердно редактировала, содержалось зерно истины и современный человек вполне может угодить в любую точку прошлого, как временную, так и географическую? Придется признать очевидное, хотя это и невероятно.

Я полностью раздернула портьеры и попыталась открыть одно из двух огромных окон, но эта попытка успехом не увенчалась. Под окном шустро сновали какие-то люди в не слишком роскошных одеждах, пару раз проехали всадники – понаряднее. И на реке было достаточно оживленное движение: по ней в обоих направлениях плыли лодки, лодчонки и даже плоты.

Ладно, это – потом. Судя по всему, я в Зимнем дворце, но опять же не екатерининском, не тот интерьер. Как удачно вышло, что по образованию я историк, да еще специализировалась именно на истории России. По ряду косвенных признаков можно предположить, что я либо во времени Анны Иоанновны, либо чуть позже – при веселой императрице Елисавет. Или... или меня занесло в тело еще цесаревны Елизаветы? Тогда нужно держать ухо остро, до тридцати лет эта дочь Петрова была гонима и шпыняема всеми, кому было не лень.

В углу комнаты обнаружилось зеркало, которое тут же доказало мне, как дважды два, что я себе мощно польстила, предположив перевоплощение в отроковицу Елизавету. Та, по единодушным отзывам современников, была очень хороша собой и обладала роскошной фигурой. А в зеркале отражалась белобрысая девица лет четырнадцати-пятнадцати, плоская, как гладильная доска. Но хотя бы не страшилище – и на том спасибо.

Так кто же я, черт возьми?! Для фрейлины у меня слишком шикарные апартаменты, дочери какого-нибудь высокородного семейства (перстенок-то на пальце не из дешевых!) в Зимнем дворце делать нечего. К тому же фрейлины, даже высокородные, не спят на шелковом белье, пусть и порядком засаленном, и не носят батистовое неглиже с дорогими кружевами.

Мои размышления были прерваны скрипом открывавшейся двери. Ну, вот и началось. Сейчас получим ответы на все вопросы... может быть.

В дверь просунулась голова немолодой женщины в каком-то затейливом чепце. Обнаружив мою особу, стоявшую босиком возле зеркала, женщина ахнула и буквально ворвалась в комнату, втянув за собой еще человека три, не меньше.

– Ваше высочество! Что вы изволите делать?!

«Высочество»? Интересно. Еще интереснее было то, что дама изъяснялась по-французски, то есть на языке, которым я достаточно хорошо владела с моих юных лет.

– Гляжу в зеркало, – не слишком любезно ответила я на том же языке. – А вы кто такая? Особа всплеснула руками и закатила к потолку глаза.

– Боже мой, ваше высочество все еще не в себе!

Очень точно подмечено, между прочим. Скрупулезно, я бы сказала.

– Умоляю вас лечь в постель! Сейчас доктор Блументрост осмотрит ваше высочество...

Вперед выдвинулся преклонных лет седой господин в черном. Значит, доктор Блументрост, господин Лаврентий, благополучно уморивший Петра Великого, его супругу и обоих его внуков. Блументрост, лейб-медик... кого? Не юного императора Петра свет Алексеевич, тот царствовал и опочил в Москве, мы же находимся в Санкт-Петербурге. И не императрицы Елисавет – у нее были уже другие врачи...

– Прежде всего я хочу вымыться, – как можно надменнее заявила я. – А потом пусть поменяют простыни и наволочки. В такой грязи даже свиньи могут заболеть.

Маленькое общество застыло в самом неподдельном недоумении. В некоторое недоумение впала и я: что такого экзотичного и шокирующего они нашли в моем желании? Элементарное соблюдение правил гигиены...

– Вы оглохли, мадам? – осведомилась я.

Мадам что-то быстро прошептала вошедшей вместе с ней еще одной женщине, и та мышкой выскользнула за дверь. А ко мне приблизился сам знаменитый эскулап, нацепив на лицо постно-умильное выражение:

– Ваше высочество сегодня нервозны? Это естественно после вчерашнего приступа, – заметил он по-русски, но с чудовищным акцентом.

– Не помню, что случилось вчера, – честно ответила я.

Ответила, разумеется, по-русски, и это почему-то вызвало смятение у окружающих.

– Совсем не помните? – осторожно осведомился эскулап.

Я кивнула.

– Но меня ваше высочество изволит помнить?

– Изволю помнить, – милостиво согласилась я. – Вы доктор Блументрост, лейб-медик.

А остальных – не знаю.

Паника в маленькой дамской группе шла по нарастающей.

– Ваше высочество не узнает свою воспитательницу? – изумился лекарь.

– Нет. Разве меня кто-нибудь воспитывал?

Вперед выступила сухопарая дама в затейливом чепце и с приторно-постным выражением лица.

– Не может быть, чтобы выше высочество меня забыли.

– Все может быть, – равнодушно ответила я. – Так кто вы?

– Ваша воспитательница, мадам Адеракс, – присела в реверансе дама.

– Волшебнo, – сухо отозвалась я. – Почему же вы допустили, чтобы мое высочество заросло грязью, точно бездомная попрошайка?

– Но... но... ваше высочество изволило отказываться...

– А вы должны были внушить моему высочеству, что чистоплотность – первое условие здоровья и нравственной чистоты.

Должна отметить, что никто из пришедших, судя по всему, не разделял моих убеждений. У самой мадам Адеракс ногти были обведены черной каймой грязи, а от доктора несло, как... пардон, от козла. Хотя я не знаю, как пахнет от козлов, только в книгах читала.

– Так что со мной вчера произошло? – задала я вопрос в лоб лейб-медику.

– Вашему высочеству стало дурно во время крещения...

– Кого крестили?

– Но... Вас, Ваше высочество!

– Я что – грудной младенец?

– Вы изволили запомнить. Вас крестили в православную веру, по распоряжению вашей августейшей тетушки, государыни-императрицы...

Бинго! Теперь я почти точно знаю, КТО я. Хотя хватило бы и имени моей воспитательницы, но ведь историки могли кое-что и напутать.

– Не помню, – слабым голосом отозвалась я, приложив руку ко лбу. – Ничего не помню. Даже то, чему меня учили в монастыре перед крещением...

– В монастыре?! – совершенно искренне воскликнула мадам Адеракс. – Но ваше высочество не были ни в каком монастыре!

– А как же меня готовили к восприятию истинной веры? – чуть более уверенно спросила я. – Кто со мной занимался?

– Но... Никто, ваше высочество.

Я хотела возмутиться таким кощунством, но не успела. Двери разлетелись под чьей-то мощной рукой и в комнату ворвалась высокая, дородная дама. Смуглая, рябоватая, черноволосая и черноглазая. За нею еле поспевала очень похожая на нее дама пониже росточком и с менее властным выражением лица. Ну, тут уж все было ясно: пожаловали государыня-тетушка, императрица Анна Иоанновна, и моя матушка, герцогиня Мекленбургская, в девичестве – царевна Екатерина Иоанновна.

– Очнулась? – низким голосом осведомилась дама у доктора. – Что теперь? Чем лечить станешь?

– Ваше величество, я еще не успел осмотреть ее высочество, – чуть слышно отозвался врач.

– Это еще почему?!

– Ее высочество изволили быть недовольными...

– Что?!?

Это был такой мощный рык, что у меня заложило уши и я невольно поморщилась.

– И что ты рожи строишь, дорогая племянница? Чем, интересно, твое высочество недовольно?

Я пожалала плечами. Все происходило слишком стремительно, времени на выработку правильной линии поведения у меня не было, а ведь надо было учитывать и то, что тут мне – черт знает сколько лет, а не полтинник, на который я уже набралась ума и житейского опыта.

– Отвечай, когда тебя спрашивают!

Пришлось срочно симулировать обморок. Нет, ну любая сопливая девчонка на моем месте просто описалась бы от страха. А то, что я читала в своей другой жизни про эту императрицу, мою нынешнюю тетушку, позволяло предполагать, что вслед за окриком можно схлопотать очень неслабую оплеуху.

Так что я слабо пискнула, закатила глаза и осела на пол. Упасть мне, разумеется не дали: подхватили, дотащили до кровати и водрузили обратно на пахучие перины. Блумен-трост поднес к моему носу флакон с чем-то совершенно уж непереносимым по запаху, я чихнула и открыла глаза.

Врач начал было щупать мне пульс, но я прервала это увлекательное занятие.

– Видение мне вчерась было, тетенька, – как можно жалобнее забормотала я. – Явился мне в храме старик, видом страшный, бородатый, в лохмотьях и с цепями железными на шее. И начал передо мною скакать да приговаривать: «Негоже, негоже душе темной веру истинную принимать. Не звоните в колокола, в бубны бейте! Динь-дон, динь-дон, царь Иван Васильевич!». Я со страху-то и сомлела...

Моя маленькая импровизация имела несомненный успех. Императрица побледнела и слегка покачнулась. А моя маменька и вовсе присела от страха, пролепетав:

– Это ей Тимофей Архипович привиделся, царствие ему небесное...

– Похоже на то, – мрачно кивнула Анна Иоанновна. – Неспроста сие. Говорил же мне владыко Феофан, что надобно принцессу к крещению подготовить, в монастырь на сорок дней отправить...

– Отчего же вы, тетушка, не отправили? – осведомилась я все тем же умирающим голосом.

– Да вишь, сбили меня с толку, – досадливо отозвалась та. – Крести мол скорее – и все тут. Разве же они в православии чего смыслят?

– Остерман, небось, торопил? – предположила я.

И попала, что называется, «в яблочко». Августейшая тетушка аж побагровела от злости.

– Это кто ж тебе шепнул о наших тайных переговорах?

– Да ваши тайны, тетушка, всему дворцу известны, – окончательно обнаглела я. – Думаете, ваши дураки да приживалки глухие и немые? Они все слышат, все примечают, а у некоторых-то и ума поболее будет, чем у иных министров.

Тут уж я была наверняка: все иностранцы, не сговариваясь, писали о том, что российский императорский двор при Анне Иоанновне был «под завязку» забит юродивыми и приживалками, ворожеями и шутами, странниками и предсказателями. В шуты не гнушались идти князья Голицын и Волконский, родственник царицы Апраксин, гвардейский офицер Балакирев. А из русских источников мною были почерпнуты сведения о том, что большинство этих так называемых дураков таковыми отнюдь не были, а просто нашли удобный способ существования при непростом дворе «царицы претрашного зраку».

Тетушка примолкла. Действительно ведь могли подслушать. Да и речь-то шла не Бог весть о каких тайнах. А теперь надобно ковать железо, пока оно не совсем остыло.

– А еще тот старик мне запретил по-немецки говорить. Собачий, говорит, язык, на нем только собакам брехать.

– Что-о-о?! – снова «завелась» моя родственница. – Это, значит, батюшка твой – пес?!

– А вы бы, тетушка, сперва у маменьки моей спросили, кто мой отец на самом деле, – пустила я в дело расхожую версию современных мне «историков».

Мощная ладонь обрушилась мне на губы.

– Молчи! Молчи, мерзавка, о том, чего не ведаешь!

Одного взгляда на мою здешнюю маменьку было достаточно, чтобы понять справедливость поговорки: «Врет, врет, да ненароком и правду соврет». Значит не все новомодные гипотезы – сплошная глупость и выдумки. Похоже, был грех у Екатерины Иоанновны с любимым дядюшкой, императором Петром Алексеевичем. Не зря слухи были.

– Да ты ликом-то в супруга моего, герцога вся удалась, – попыталась маменька защитить свою честь.

– А мне говорили – в прадеда, благоверного государя Алексея Михайловича, – быстренько ввернула я, пока тетушка не удумала снова затыкать мне рот.

– Кто говорил?! – заорала она.

Я пожала плечами.

– Не помню точно. Кажется, бабушка говорила, царица Прасковья Федоровна, царствие ей небесное.

– Старая дура, – прошипела моя маменька.

– Ты-то сама не больно умна, сестрица, – оборвала ее тетушка. – Вся в маменьку удалась, глупее тебя только Парашка-покойница.

Обо мне, похоже, на время забыли. А я тем временем включила на полную мощь воображение и память. Парашка – это, надо полагать, младшая из сестер Иоанновных, Прасковья, которую еще прозвали «Волочи ножку». Та, кажется, действительно была полной дурочкой. Померла она, стало быть? Одной дурой меньше. Теперь, кажется, и маменьке моей недолго осталось. Ладно, разберемся по ходу дела.

– А ты, племянница, язык-то свой обсуши, – почти ласково посоветовала мне императрица. – Мало ли кто что говорит. Ты есть моя родная племянница, рожденная сестрой моей в законном браке с герцогом Мекленбургским. А про бабушкины сказки забудь, мало ли что старуха тебе наплела перед смертью.

– Плохо мне, тетушка, – скорбно вздохнула я. – Приказали бы баньку истопить. Помыться больно охота.

Обе сестрицы тупо уставились на меня. Точно я попросила чего-то совершенно невероятного. Строго говоря, банька им самим не повредило бы: от маменьки за версту несло потом, а от августейшей тетушки еще и какими-то омерзительными духами в сочетании с тем же потом. Я даже расчихалась.

– Баньку, говоришь, – вышла, наконец, из ступора императрица. – А еще чего пожелаешь?

– Чистые простыни, – немедленно отозвалась я.

– И кто тебя этому подучил?

– Вы, тетушка, поменьше бы венгерского с утра кушать изволили, – поджала я губы. – Для родной племянницы баньки жалко. Чай не бриллианты с изумрудами прошу. Совсем вас, гляжу, немцы в небрежение привели: запустили вы свою высокую особу. Вы же императрица самодержавная российская, а не какая-нибудь немецкая герцогиня вшивая...

Позабывая мною на время группка придворных заперхала: то ли от смеха, то ли от ужаса перед моей наглостью. А тетушка... расхохоталась.

– Ишь ты, какая смелая стала, – сказала она, оттирая слезы, выступившие от смеха. – Герцогиня, говоришь, вшивая? И то я на некоторых своих придворных нет нет, да и замечу вошь или блоху, точно на смердах худых... Смените принцессе простыни, приказываю. И баню действительно истопите, заодно и я попарюсь, молодость вспомню.

– Ваше императорское величество! – возопил лейб-медик. – Сие варварское заведение может пагубно отразиться на вашем здоровье!

– Остынь, доктор, – ласково посоветовала я ему. – Испокон веков на Руси русские люди в баню хаживали, царицы в мыльне рожали, да здоровее нас были. А как немцы свои порядки заводить начали, так и стали императоры да императрицы помирать...

– А ведь правду девка говорит, – неожиданно спокойно сказала императрица. – Дедовские обычаи забываем, за то Бог нас, грешных, и наказывает. Топить баню немедленно! Иначе всех к Андрею Ивановичу отправлю – за покушение на здоровье моего величества. Давай, сестрица, собирайся и ты с нами. Небось, забыла уже, как с березовым-то веничком париться.

– И то верно, – поддакнула маменька. – И пускай в баню венгерского принесут да закусок всяких. Проголодалась я чего-то.

– Не позорьте себя, маман, – поморщилась я. – Вам бы все венгерское пить, да жрать. Даже в пост скоромное трескаете.

Маменька затихла. Жаль, ненадолго: судя по тому, что мне о ней было известно, больше всего эта русская царевна и мекленбургская герцогиня любила три вещи: хорошо выпить, плотно закусить и всласть покувыркаться на перинке с тем, кто в данный момент оказывался под рукою. Недаром же заслужила прозвище «Дикой».

Судя по реакции венценосной тетушки, поведение своей сестрицы она, мягко говоря, не одобряла, но поделаться ничего не могла: родная кровь, во-первых, невозможность пока-

зять хороший личный пример, во-вторых. Сама была не дура выпить и закусить, правда с любовником своим жила почти супружески, а став императрицей российской, хранила ему абсолютную верность.

Что еще я знала об Анне свет Иоанновне? Очень много и... практически ничего. Вставала она в семь утра, ела за завтраком самую простую пищу, запивая ее пивом и двумя рюмками венгерского вина. Гуляла за час до обеда и перед ужином, а затем полтора часа ужинала и в десять часов ложилась спать. День ее был заполнен игрой в карты, разговорами и сплетнями с приживалками и гадалками, разбором драк шутов и дураков. Как-то вклиниться в это расписание или поменять его было, мягко говоря, проблематично.

Еще она очень любила стрельбу из ружей и была столь в ней искусна, что била птицу на лету. Во всех ее комнатах стояло множество заряженных ружей, и Анна стреляла через открытые окна в сорок, ворон и даже ласточек, пролетавших мимо. В Петергофе был заложен для нее зверинец, в нем содержалось множество зайцев и оленей, завезенных из Германии и Сибири. Если заяц или олень пробегали мимо ее окон, участь их была решена – Анна Иоанновна стреляла без промаха. Для нее соорудили тир, и императрица стреляла по черной доске даже зимой, при свечах.

Придется вспомнить курс военной подготовки в институте и полюбить стрельбу. Не очень, конечно, деликатное занятие, но с волками жить... Что у нас там еще в досье на тетюшку?

Остаток дня проводила она в манеже, катаясь верхом, в чем ей очень способствовал любовник – Бирон, пропадавший в манеже и конюшне целыми днями. Летом же Анна Иоанновна превращалась в страстную охотницу, выезжавшую со сворой гончих на травлю зайцев и лисиц, ловлю зверей в силки и капканы, чтобы затем перевести своих четвероногих пленников в дворцовый зверинец.

Верхом я вообще никогда не ездила. Значит, придется научиться. Ежели буду сиднем сидеть в своих комнатах, да книжки почитать, как делала настоящая принцесса Анна Леопольдовна, то повторю ее судьбу от и до. Брак с каким-то второсортным австрийским принцем, ребенок, рожденный для того, чтобы провести жизнь в заточении, ссылка в Холмогоры после государственного переворота, учиненного дорогой кузиной Елизаветой Петровной и смерть родами в возрасте двадцати восьми лет. Вот оно мне надо?

Но все-таки пунктом номер один в моем плане должно быть неукоснительное соблюдение правил личной гигиены. Номер два – подружиться с самым влиятельным церковным деятелем тех времен – Феофаном Прокоповичем, позаниматься с ним вопросами православной веры, сделать своим верным союзником и помощником. И номер три – создать свой собственный «малый двор», чтобы не скучать в обществе мадам Адеракс, с которой вообще надо бы расстаться, и худо-бедно протянуть годика три-четыре, дабы иметь возможность самой решать свою судьбу.

Очень красивый план, только вот осуществить его будет сложновато. Тетюшка по-человечески общалась только с шутами и приживалками, государственные дела передала практически бесконтрольно в ведение Андрея Ивановича Остермана – обрусевшего немца, давно состоявшего на жаловании у австрийского двора. Русская аристократия пребывала в страхе и загоне...

Ну, вперед! Раз уж мне выпал второй шанс: начать жизнь заново после пятидесяти лет, то нужно его использовать так, чтобы не было мучительно. Я не могу внедрять тут новые технологии и развивать российскую промышленность, поскольку ни уха ни рыла в этом не смыслу. Не могу заняться преобразованием армии – не женское это дело, потешного полка с превращением оного в преданную мне гвардию, у меня не может быть по определению. Что остается?

Политика, черт бы ее побрал! Ментальность человека двадцать первого века против ментальности века восемнадцатого. Бесценный багаж знаний о том, что будет, если не вмешиваться в ход событий.

Но первым делом – помыться.

– Ваше императорская величество, баня готова, – доложил возникший в дверях лакей.

Вот это правильно. Пойдем-ка мы все... в баню. На свежую во всех смыслах голову и думаться будет куда легче.

Глава вторая. Благодать божия

– Вижу, ваше высочество изволило продолжить чтение труда моего скромного...

Владыко Феофан появился в моих покоях как всегда бесшумно. Вот уже полгода как я прилежно вникала во все премудрости православного богословия, а чтобы не сойти с ума на этой почве, изучала и вполне светский труд того же владыки – «Историю об избрании и восшествии на престол государыни Анны Иоанновны». Довольно интересное, кстати, чтение, если не обращать внимание на совершенно неприличную и беспардонную лесть в адрес моей августейшей тетушки. Которая, впрочем, сама книгу прочесть не соизволила, хотя и наградила ее автора перстнем несметной ценности.

– Читаю, владыко, – смиренно отозвалась я. – И в великом недоумении пребываю: ужели единою силою церкви трон моей тетушки нерушимо воздвигся?

– Почему ваше высочество так решило?

– Да вот же, написано:

«Архиереи же синодальные учли домогаться, чтобы больше не отлагая, собраться и совершить благодарственное молебствие, чему уже и не спорил никто. Повелел же Синод диаконам возносить Государыни имя с полною монаршьей титулою, самодержавие в себе содержащее. Что и сделано, да то ж верховным весьма не любо стало, и каялись, что о том прежде запомывали посоветовать. И когда же в тот день Синод посылал во все страны письменное титулование Государыни формы, посылали и они, но титулы самодержавия уже прежде обреченой, переменить не посмели...»

– Так оно и было, – пряча в глазах усмешку, отозвался Феофан. – По церквам да соборам государыню самодержицей величали. Вот и не дерзнули персоны знатные свои крамольные мысли высказывать.

– А потом уже и не могли ничего сказать, – хмыкнула я. – Эвон как тетушка супостатов своих по острогам да монастырям разогнала.

– На то и самодержица, – уклончиво отозвался Феофан.

Этот дядька, ровесник той мне, которая еще не родилась сейчас, сильно мне импонировал. Воистину, государственного ума мужик, а как начнет словесные кружева заплетать с цитатами из Святого писания – и захочешь возразить, да нечего. Я и не возражала, только училась. Начали-то с молитв – половины я просто не знала, а те, что приехали со мной из будущего, тут читались немного по-другому.

Правда, незнание мое того, что тут каждый ребенок с пеленок ведал, мне прощали: от отца-лютеранина произошла, в стране еретиков родилась, а потом за бабкиным подолом отсиживалась, точнее, отлеживалась. Маменьке моей, правда, владыко пару раз строго выговаривал, что негоже дочь малую в забросе держать и обрядам дедовским не учить. Могла бы, де, и в церковь чаще со мной хаживать, и молитвы утром и вечером читать. Маменька смиренно слушала и сокрушенно вздыхала:

– Грешна, владыко, уж не гневайся.

Она до смерти боялась, что Феофану станет известно, какую жизнь она вела на самом деле. Хотя об этом знала последняя кухонная девка, маменька наивно полагала, что владыко выше таких пустяков и вникать в них не станет. От исповеди же у него она уклонялась всеми правдами и неправдами. А Феофан видел ее насквозь, но не хотел слишком суровым отношением сердить императрицу: родная сестрица ведь, кровиночка. Зато с меня спрашивал по полной, так сказать, программе.

И я старалась, как могла. Хотя, честно говоря, вникала во все эти «тайнства» с одной-единственной целью: обрести надежного союзника на будущее. Церковь тут пользовалась таким влиянием, о котором я – даром что прочла в своей прежней жизни массу исторической

литературы – даже и не подозревала. Фигу с маслом, а не престол самодержицы всероссийской увидела бы моя тетушка без божьей помощи – в прямом и переносном смысле этого слова.

А сейчас тётушка, видать, крепко запомнила, кому она престолом обязана. И владыку Феофана, хоть и привечает, но больше своих немецких советчиков слушает. Передать не могу, как это меня бесило. Ведь русская же баба, род свой ведет от Романовых и Милославских, племянница самого Петра Великого, а втрескалась по уши в немецкого конюха в Митаве своей занюханной – и последние мозги отшибло.

Про меня после первых нескольких заполненных дней благополучно забыли. О том, чтобы все-таки крестить меня в православную веру, и речи больше не было. Я использовала эту передышку, чтобы хорошенько осмотреться, освоиться и потом уже, благословясь, приступить к главному делу: перекраиванию своей не слишком завидной судьбы. Но одна я с этим справиться, разумеется, не могла. А придворные, с подачи тетушкиного полюбовника, смотрели на меня, как на пустое место.

Так что пока все надежды я возлагала на своего духовного наставника. Он-то знал, что тетушка определила меня в наследницы престола российского, да только ей все недосуг было заняться этим вопросом капитально. Объявить, например, свою волю, заставить армию и народ присягнуть мне, как будущей императрице.

Нет, они с моей дражайшей маменькой затеяли умопомрачительную комбинацию, вошедшую потом во все учебники по истории: выдать меня замуж, дождаться рождения ребенка, и вот его-то и объявить наследником короны Российской империи. Даже заставили войско и Сенат, точнее. То, что от Сената осталось, присягнуть тому, что породит чрево мое. Ну, что с дур взять? По-моему, как раз тогда и начало складываться четкое представление о том, что Россию умом понять невозможно.

– Владыко, – спросила я, – тётушка вам ничего не говорила о том, когда же меня, наконец, окрестят в православие?

– Увы, ваше высочество, – сокрушенно покачал головой Феофан, – у ее императорского величества столько неотложных дел. Я намекал...

– Так, может быть, не намекать надо, а прямо сказать?

– Кто я, и кто ваша августейшая тетушка, – вздохнул Феофан.

– На ее месте, – нагло заявила я, – я бы давным-давно патриаршество на Руси восстановила и вас бы во главе русского духовенства поставила.

Глаза Феофана вспыхнули каким-то совершенно уж невыносимым огнем. Я поняла, что очень грамотно нащупала «болеву точку»: спит владыко и видит себя патриархом всея Руси. И без того все священники его, как огня боятся, а уж тогда...

– Но это, конечно, не моего ума дело, – поспешила я слегка опустить владыку с небес на грешную землю. – Наследником престола неизвестно, кто будет, а меня еще даже крестить не удосужились.

– А если бы по воле Божьей ваше высочество стало бы наследницей престола российского? – вкрадчиво осведомился Феофан.

– На все воля Божия, – смиренно потупилась я. – Только тогда собрала бы я подле себя мужей мудрых и благочестивых, дабы советами их руководствоваться и поступать в соответствии с ними и по обычаям православным.

Феофан молча перебирал четки. Прикидывал, видно, выгодно ему или нет помогать мне. Ведь еще существовала очень даже законная наследница престола – принцесса Елизавета Петровна, приходившаяся мне сводной тётушкой. Мы с ней виделись пару раз на дворцовых приемах: в принципе, симпатичная, смешливая деваха со смазливой мордочкой и колоссальным интересом к противоположному полу.

Мне она даже понравилась, но... историю я помнила прекрасно. Эта сексуально озабоченная красотка первым делом законопатила все мое семейство в холмогорский острог, а первенца и вовсе в Шлиссельбургскую крепость заточила. Так что приходилось выбирать между личными интересами и личной симпатией.

– Принцесса Елизавета в народе, я слышала, особой любовью пользуется, – прервала я затянувшуюся паузу. – И потому, что проста, и потому, что на крестины к солдатам да простолюдинам ходит. Вот когда приму святое крещение...

– И что тогда сделает ваше высочество? – оживился Феофан.

– Первым делом поеду на богомолье по монастырям, которые вы, владыко, мне посоветуете. А потом каждый день буду службы по разным церквам отстаивать, дабы видел народ мое прилежание к истинной вере и благочестие.

– Мудро, мудро... – пробормотал Феофан.

– А вторым делом постараюсь тетушкино окружение от иноземцев-еретиков почистить. Может, они и умом сильны, но неужто на Руси православных умников не найдется? Взять хотя бы Волынского...

– Зело горд и спесив вельможа сей, – нахмурился Феофан.

– Гордыню-то и смирить можно. А ежели дать ему делом настоящим заняться, так спесь сама уйдет.

Владыко посмотрел на меня как-то странно и после небольшой паузы изрек туманную фразу:

– И младенцев Бог по милости своей может разумом наделить...

После чего предложил перейти к очередному уроку. Я не стала возражать: Феофану явно нужно было хорошенько осмыслить то, что он от меня услышал. Вести беседы на государственные темы он пока был не готов.

Да, от своей «воспитательницы», мадам Адеракс, я благополучно отделалась. Настучала главе Тайной Канцелярии Андрею свет Ивановичу Ушакову, что прошлое этой персоны смутно и невнятно. Ушаков копнул – и выяснил то, что мне и без него было известно: мадам Адеракс в недавнем прошлом содержала «веселый дом» то ли в Дрездене, то ли в Бремене. В Россию же приехала по рекомендации... Остермана. Ох, и получил же канцлер от моей тетушки! Даже умирающим прикинулся, хотя, возможно, и впрямь заболел от страха.

Вместо этой самой мадам я потребовала дельных учителей, дабы изучать то, что каждая принцесса в Европе знать обязана: историю, географию, изящную литературу. Последнюю мне теперь преподавал Василий Тредьяковский, которого я вытащила из нищеты и забвения московского. Попутно мы с ним переводили на русский язык Вильяма Шекспира. Начали с сонетов и весьма в том преуспели, благо почти все эти произведения в переводе еще не родившегося Маршака я знала наизусть. В скором времени собирались подступиться и к «Гамлету».

Августейшая тетушка с сиятельной матушкой глядели на это когда сквозь пальцы, когда – с тупым недоумением. Но тетушку я умаслила тем, что попросила обучить меня стрельбе: из ружья и из лука. Глаз у меня в прежней жизни был верный, а в этой я пока еще имела стопроцентное зрение и достаточно твердую руку.

Угодила я и тетушкиному фавориту, пожелав обучаться верховой езде. Бирон лично подобрал мне лучшую кобылку из собственной конюшни: белоснежную, кроткую, умную. Пришлось, правда, попутно обучиться кое-каким премудростям в области упряжи и ухода за лошадьё, но с этим я худо-бедно справилась. Тем более, что принцессе совершенно не обязательно было все это делать собственноручно.

Если бы не все эти занятия, я бы, наверное, померла со скуки. Тетушкино окружение переходило с постели к столу и от стола – под него. Иногда, правда, устраивались балы и приемы, но не слишком часто.

Вот и нынче вечером во дворце предполагался очередной междусбойчик, который тут величали красивым иноземным словом «куртаг». Скучища немислимая: тетушка-императрица восседает на троне с короной на голове, маменька сидит двумя ступеньками ниже и мечтает о том, чтобы незаметно смыться и провести время в своих покоях с очередным кавалером и парой бутылочек, а тетушкин фаворит, герцог (уже!) Бирон, разодетый в атлас и шелк, расхаживает по зале и удостаивает (или не удостаивает) гостей своим вниманием.

Мое место было – рядом с маменькой, чуть позади нее. Слава Богу, за прошедшее время мне удалось привить ей и тетушке элементарные санитарно-гигиенические правила. Во всяком случае, потом и еще кое-чем похуже от них уже не так разило. Да и придворные перестали являться во дворец с невымытыми шеями и грязными ногами: за это можно было угодить в немилость к монархине. Если бы она еще разогнала свое шутовское окружение в вонючих лохмотьях! Но до этого было еще далеко.

На другом конце зала, на небольшом возвышении, восседала законная супруга тетушкиного фаворита – горбатая уродина в драгоценных уборах. Обязательным для каждого из приглашенных было подойти к этому существу и облобызать ей руку. Кто установил такой порядок, мне было неведомо, но я собиралась поломать его в самое ближайшее время. Не своими руками, конечно. Для этого мне нужен был канцлер Остерман – тайный и самый лютей враг фаворита. Стравить двух этих немцев и посмотреть, кто кому глотку перегрызет. С оставшимся же будет легче справиться.

Я читала в своей прежней жизни, что Остерман был не столько умен, сколько хитроумен. Мог заплести словесной паутиной любого и не сказать при этом ничего дельного. На современников это действовало неотразимо, я же четко видела бреши и прорехи в этой защите и намеревалась этим нагло воспользоваться. Бирона я не боялась ни капельки: умом этот вчерашний конюх никогда не блистал.

Как только Остерман появился в поле моего зрения, я тут же поманила его к себе. Канцлер, уже прикидывавший, какие выгоды лично он получит от моего будущего замужества, которое он же и собирался устраивать, подскочил, угодливо выгнув спину.

– Что угодно вашему высочеству? – на хорошем русском языке осведомился он.

В самом начале моего появления тут Андрей свет Иванович попытался было поговорить со мной по-немецки. Но получил жесткий отпор: ежели ты канцлер российский беседуешь с особой российского царствующего дома, то изволь это делать по-русски. Остерман наябедничал тетке, но та от него только отмахнулась: возиться с капризами юной племянницы ей было элементарно лень.

– А вот скажи мне, господин канцлер, – вкрадчиво начала я, – почто твоя супруга, баронесса и урожденная столбовая дворянка, сидит в углу, как нищенка худая. А Биронша к руке своей допускает, будто бы особа царской крови?

Остерман аж побелел. Злословить о супруге фаворита... тут и кнута отвратить недолго, да и то если особенно повезет.

– Я плохо понимаю мысль вашего высочества, – забормотал он. – Супруга моя, в девичестве Стрешнева, рода старобоярского и знаменитого, который еще прадедушке вашего высочества исправно служил. А поелику я канцлером являюсь, то и моя супруга... Но дворцовый этикет, установленный как раз для того, чтобы избежать подобных нелепых казусов... В силу вышесказанного, понятно становится, ваше высочество, отчего славная герцогиня Бирон всеми почестями пользуется...

– Ничего мне не понятно, – повысила я голос с расчетом, чтобы нас услышала тетушка-императрица. – Не существует никакого дворцового этикета, уж тебе-то это ведомо. Почему твоей супруге кресло не предложили и к ручке ее не подходят?

С бедняжки-канцлера уже тек холодный пот.

– Так скромна она, ваше высочество, и почести эти ей ни к чему. И без того происхождения высокого, а по моей должности и вовсе одна из первых дам государства...

– А Биронша? – не унималась я.

– Вы о чем там шепчетесь? – раздался долгожданный бас императрицы.

Я смолчала, предоставляя Остерману самому вылезать из той ямки (пока еще ямки) в которую его спихнула.

– Ну, что умолкли? – повысила голос тетушка. – Андрей Иванович, о чем с племянницей моей шушукаться изволишь?

– Ваше императорское величество! – залебезил Остерман. – Ум вашей племянницы столь же остр, как и у вас, и посему беседовать с ней надлежит с почтением, каковое положено принцессе ее происхождения...

– Про происхождение моей племянницы я лучше тебя знаю! – обрезала его императрица. – И про то, что дура она, тоже ведаю. А вот о том, что ты дурак, доселе не знала. На простой вопрос не можешь ответить?

– Тётушка, – ангельским голосом пропела я, – Андрей Иванович недоумение высказал, отчего его жене таких же почестей не оказывают, как супруге герцога. И почему герцогиня Курляндская в России большим почетом пользуется, чем супруга российского канцлера, тоже недоумевал.

Тётушка нахмурила лоб, явно не поняв половины сказанного. Зато фаворит ее, сиятельный герцог Бирон, понял все сразу и аж посинел от злости.

– Мала ты еще о таких вещах рассуждать, – выдала, наконец, императрица. – Чай, найдутся люди постарше тебя и поумнее.

– Воля ваша, тетушка. Я только пыталась понять, отчего одни дамы при вашем дворе выше других...

– Кто это тут выше? – побагровела Анна Иоанновна. – Я единая могу тут высокой персоной считаться, а остальные – холопы и рабы мои. Пожелаю – палачу отдам или в Сибирь загоню. Хоть герцогиню, хоть канцлершу, хоть тебя, соплипку.

– Меня, тетушка, от палача увольте, – дерзко возразила я. – Вот приму святое крещение и постригусь в каком-нибудь монастыре большим постригом. А трон ваш пушай Лизка наследует, или мальчишка голштинский, а то и герцогиня Курляндская, коль скоро она уже сейчас царские почести принимает.

До сего времени моя венценосная тетушка, кажется, даже не замечала, как ведет себя жена ее любимчика, а желающих просветить ее в этом вопросе как-то не нашлось. Но тут она словно прозрела, увидела Бенигну Бирон, восседающую почти что на троне в противоположном конце зала, и...

– Твоя супруга, кажись, на мое место метит? – обратилась она к фавориту. – Много воли взяли, голубчики, не цените нашей царской милости и ласки.

– Ваше величество... – побагровел теперь Бирон.

– Ты смиренно за моим креслом стоишь и место свое знаешь, – продолжала бушевать императрица, – а эта горбунья расселась, точно принцесса крови, да еще ручки свои протягивает для лобызания. Почто сестрице моей и племяннице таких почестей не оказывают? Кто повелел герцогине самовольничать?!

– Принцесса, – прошипел Бирон, подойдя ко мне, – зачем вы настраиваете вашу тетушку против моей супруги?

По-русски он не говорил, но понимал все. Я же за полгода сделала большие успехи в немецком, так что прекрасно понимала его. Но принципиально ответила по-русски:

– И не думала я никого настраивать, очень надо. Просто канцлер удивился, что его супруга не пользуется таким же почетом, как ваша. А я в этих вопросах мало разбираюсь, то не моего ума дело, правильно ее императорское величество изволило сказать.

– Чтобы более никаких возвышений, окромя моего, в залах не было! – продолжала бушевать императрица. – А коли канцлеру моему кажется, что жена его нашими милостями обижена, то может вместе с нею свободно в свое поместье ехать!

– Помилуйте, ваше величество, – непритворно зарыдал Остерман. – В мыслях того не было... Это ее высочество...

– А мое высочество оставь в покое, – оборвала я его. – Сказывают, тебе в поместье с супругой отъехать. И там ждать, пока ее императорское величество не изволит гнев на милость сменить. Так, тетушка?

– Как вы мудры, выше высочество! – с непритворным восторгом воскликнул Бирон.

Краем глаза я заметила, что супруга его каким-то волшебным образом исчезла из залы вместе с возвышением и креслом.

– Ну, раз и ты так считаешь... – озадаченно проговорила Анна Иоанновна. – Тогда пушай действительно канцлер отъедет из столицы. Ныне не понравился он нам.

Остерман зарыдал, причем на сей раз непритворно.

– Москва слезам не верит, – ехидно хмыкнула я, а затем подвинулась ближе к своей августейшей тетушке.

– Вы бы, ваше величество, пока этот плакса тут хнычет, повелели господину Ушакову обыск в его доме учинить. Много интересного сыщется.

– Ты в своем уме? – поразила императрица.

– В своем, в своем, – заверила ее я. – Более того, о вашем благе пекусь и о вашем величии. Ежели не найдут ничего – велите меня в монастырь постричь навечно.

Аргумент был сильный. Тётушка поманила к себе господина Ушакова, который, как всегда, появился точно из-под земли и отдала ему какое-то короткое приказание. Тот низко поклонился и исчез, а Остерман все рыдал. И пока он рыдал, пустое пространство вокруг него становилось все больше и больше: придворные шестым чувством определяли будущую опалу.

А ко мне снова приблизился Бирон.

– Благодарность моя вашему высочеству беспредельна. Чем могу служить вам?

– Сущим пустяком, – с самой милой улыбкой ответила я. – Убедите императрицу создать Государственный Совет из трех персон при ее высокой особе. Одно условие: персоны должны быть русскими и православными. Нужно укреплять престол, милый герцог, а немецкое засилие, мнится, его только расшатывает.

– Но я...

– А вы останетесь тем, кем были, на том же месте. Пусть только ваша супруга впредь держится поскромнее.

– Клянусь вам...

– Верю и без клятв. Обещаю вам мою дружбу и приязнь, если будете мне союзником. Ведь тетушка только вас на самом деле и слушает, а государство тем временем в запустение приходит. Вам же это невыгодно. Куда лучше будет, ежели Россия воспрянет и воссияет... светом православия.

– К чему вы клоните, принцесса? – нахмурился герцог.

– К тому, чтобы государыня наша восстановила патриархию, императором Петром порушенную. Вас это никак не касается, а простой народ императрицу возлюбит и благословит...

Я просто видела, как в массивной черепушке Бирона ворочаются мысли: выгодно ему это или невыгодно? Выиграет он от того, что на Руси снова будет патриарх, или проигрывает. Здравомыслие все-таки одержало верх: какая разница? Он-то в любом случае останется фаворитом и герцогом, да и веру исповедует – лютеранскую.

– Это – русское дело, – важно заявил он.

– Верно, – покладисто согласилась я. – Но императрица высоко ценит ваш ум и вашу деликатность. Вы найдете способ так дать совет моей тетушке, чтобы она посчитала его своей собственной мыслью.

– Вам-то какая корысть? – на всякий случай осведомился Бирон.

– Прямая! – отбросив елейный тон отрезала я. – Коли по воле тетушки дите мое будущее на российском престоле воссядет, то престол этот нужно укрепить всячески. С одной стороны – благословением Божиим, с другой – таким отцом и супругом моим, чтобы держава от этого воссияла. Вам же обещаю: герцогство Курляндское при вас останется, буде вы тетушку мою переживете. От чего – избави Бог!

Заплаканный Остерман все пытался приблизиться к императрице и что-то ей объяснить. Я глазами указала на это безобразие своему собеседнику и тот, отвесив мне напоследок чрезвычайно учтивый поклон, нерушимой скалой встал между уже почти бывшим канцлером и своей любовницей. Маменька моя давно под шумок смылась к себе, и весь куртаг как-то сам по себе рассосался.

Императрица в сопровождении Бирона удалилась в свои покои. А я отправилась к себе, наказав строго-настрою меня ни под каким видом не беспокоить. Сама же, переодевшись в черный плащ и закрыв лицо маской в сопровождении одной только горничной отправилась... правильно, к владыке Феофану на архиерейское подворье. Нужды не было, что там давно десятый сон видели: ради такой новости проснутся.

Будить, впрочем, пришлось только привратника: владыко полуночничал в своих покоях. Молился. Одна свеча давала очень мало света, но и при нем я углядела на разобранном ложе, весьма далеко от аскетизма, две подушки со вмятинами от голов. Ну-ну, ничто человеческое и духовным владыкам не чуждо. А о том, что у Феофана есть любовница, я и так знала от Ушакова.

– Благослови, владыко, – начала я с порога. – И прости, что ночью тебя тревожу, но дело у меня – безотлагательное.

Если Феофан и удивился, то очень умело это скрыл. Выслушал мой сжатый рассказ о том, что произошло пару часов назад и глубоко задумался.

– Собирай свой Синод, владыко, – продолжила я. И всем церковным сообществом, или как там у вас это называется, просите государыню восстановить патриаршество. Момент подходящий: у Остермана, чувствую, много гнили в доме найдут, тетушке в разочаровании духовная опора понадобится. Вот ты и явись – патриархом, главою церкви и заступником перед всевышним. Да поторопи тетушку с крестинами моими...

.....
С крестинами, правда, опять пришлось повременить: в ту ночь скоропостижно скончалась маменька моя, герцогиня Мекленбургская, в девичестве царевна Екатерина Иоанновна, по прозвищу «Дикая». Допилась, сердечная. Пока ее отпевали, да хоронили, Остерман сидел в собственном доме под крепким караулом: людишки Ушакова при обыске нашли у него обширную переписку с венским императорским двором. Неподкупный Остерман много лет состоял на жаловании у императора австрийского в ущерб российским интересам.

Гнев тетушки был ужасен, даже скорбь по родной сестрице не могла его утишить. Поначалу распорядилась немедленно голову бывшему канцлеру отрубить, сына отдать в солдаты, а супругу постричь в дальний монастырь. Но тут явился Феофан и сумел пролить елей на бушующие воды.

Момент для просьбы Синода о восстановлении патриаршества был – удачней некуда. У императрицы, кроме меня, да фаворита, и близких-то на земле не оставалось, волей-неволей приходилось к поддержке небесной обращаться. Феофан посулил государыне милости божии при жизни и вечное загробное блаженство и крест целовал на том, что, став патриархом, оградит свою императрицу от всех козней – и людских и дьявольских.

– А Иуду и безбожника Остермана – в крепость заключить навеки, – вкрадчиво нашептывал он. – Дабы плакал там и каялся о гресях своих, да о судьбе ближних скорбел, про которых ты, матушка, мудро рассудила: щенка – в солдаты, старую матку – в монастырь, дабы тут не смердели. Кочан отсечь легко, да после этого не сможет грешник раскаяться в содеянном им. Имение же канцлера под свою руку возьми, сколько-нибудь Богу пожертвуй, а остальное – в твоей воле. Себе оставишь, али слуг верных наградишь...

Бирон, почуяв запах золота, торопил императрицу: вернуть на Русь патриаршество, обрести духовную благодать и стать для всего народа русского истиной матерью-благодетельницей, ревнительницей веры православной. А Остермана зловердного – в крепость, в Шлиссельбург.

Устоять против двойного натиска: своего любимца и своего пастыря духовного моя тетушка не смогла. Что и требовалось доказать. Так что незадолго до того, как мне исполнилось шестнадцать лет – по здешнему исчислению, естественно, меня торжественно крестил сам Патриарх всея Руси Феофан. Крестной матерью была императрица, крестным отцом (не без подсказки с моей стороны) стал самый богатый человек в России – князь Алексей Черкасский. Так что стала я благоверной Великой княгиней Анной Алексеевной.

Ликовал народ: ненавистный Остерман угодил в каземат Шлиссельбурга под строжайший надзор с запретом читать и писать. Радовался герцог Бирон: я подговорила императрицу устроить обручение его старшего сына Петра с единственной дочерью князя Черкасского Варварой. На то, что жениху к этому времени едва исполнилось десять лет, дружно решили не обращать внимания: еще подрастет. Зато такого приданного, как у его нареченной, не было, пожалуй, ни у одной европейской принцессы.

Правда, Варька Черкасская в ногах у моей тетушки ползала, умоляла не губить:

– Ваше императорское величество, мне же за двадцать перевалило, уж и так за глаза перестарком называют, а пока будущий муж в брачный возраст войдет, я и вовсе состарюсь. Пожалейте меня, горькую...

– Дура! – ласково отвечала ей тетушка, ногой от себя отпихивая. – Годика через три повенчаем вас, станешь невесткой герцога Курляндского, супругой наследника короны его. Небось, не засохнешь. Эвон я двадцать лет смиренной вдовицей жила, в нитку тянулась, за сто рублей благодарна была, так Господь меня и благословил императорским титулом. И ты смирись.

Зато герцог Бирон передо мной на коленях стоял в восхищении непритворном:

– Ваше высочество, я ваш покорный слуга отныне и до гробовой доски. Прикажите: лакеем вашим стану, а супруга моя будет вам за столом прислуживать. Ведь знаю я, кому обязан сватовством сим. Умны вы, ваше высочество, мудры не по годам. Все твержу благодетельнице нашей, государыне-императрице, что надобно ей вас прямой наследницей престола объявить, а не ждать, пока вы осупружитесь, да дитя родите...

– Твердите, герцог, твердите – капля камень точит. А о супружестве мне и самой задуматься надо: тетушкину волю я переступать не намерена. Только жениха мне нужно сыскать не такого, как Остерман зловердно предлагал, а настоящего. Чтобы умен был, здоров, умом светел, к пьянству не склонен, да не замыслил впоследствии трона из-под меня выдернуть. Русский супруг мне надобен, а не принц иноземный.

Я впервые озвучила свою матримониальную программу. До этого долго думала, перебирала всех возможных европейских претендентов на мою руку, с патриархом не раз советовалась – куда же без него! Немцев при дворе и так было достаточно, нужно было потихоньку, с умом от них избавляться, но не трогать «особо приближенных»: Бирона, разумеется, графа Левенвольде, который тоже успел побывать когда-то в любовниках у моей тетушки, барона Корфа, которого, насколько я помнила историю, вполне можно было сделать президентом Академии наук, и который способствовал возвышению Третьяковского...

Остальных – вон. И без того мне удалось сделать почти невероятное: пропихнуть в ближайшие советники императрицы скандально известного Артемия Петровича Волынского. Правда, внушение ему через незаменимого Андрея ивановича Ушакова было сделано наистрожайшее: без толку не орать, говорить дельное, государыню без надобности умными мыслями не тревожить. А уж если совсем немоготу станет, то изложить письменно и экстрактно свои соображения. Я ознакомлюсь.

Я вспомнила, как читала, что принцесса Анна (тогда еще Леопольдовна) больше всего любила поспать, и хмыкнула: тут вздремнуть некогда бывает. Свой обет я выполнила: после крещения тут же отправилась на богомолье по самым крупным монастырям России. А поскольку сопровождал меня в этой поездке, помимо обычной свиты, представитель новоиспеченного Патриарха, то встречали меня, сами понимаете, почти как ангела, слетевшего на грешную землю.

А я глядела на эту землю, по которой проезжала за день десятки верст, видела совсем не то, что привыкла видеть в фильмах, которые гордо именовались «историческими», и прикидывала, как бы обратить всю эту благодать, все это богатство природное и человеческое во благо, а не во зло. То есть хотя бы прекратить вечный голод, неурожай, побеги крепостных, множасьи толпы нищих.

Приподнять бы эту страну до средневропейского уровня... только не начала восемнадцатого века, а его конца. Положить конец идиотским войнам, в которые по политическим соображениям гадюки-Остермана то и дело вмешивались русские войска, ни в коем случае не отдавать того, что было завоевано дедами и прадедами.

Планов было – громадье, а как приступить к их осуществлению я, честно говоря, понятия не имела. Воодушевляло только то, что если через несколько веков этим государством могла управлять каждая кухарка, то я, с высшим образованием и ученой степенью кандидата исторических наук, как-нибудь справлюсь... с Божьей помощью.

Церковь мне удалось сделать своей союзницей. Оставалась – армия, опасное гнездо всяческих заговоров и переворотов. Если я не сделаю ее командиров своими единомышленниками и верными помощниками, это сделает моя дражайшая кузина Елизавета. Так что продолжать расчищать себе путь к трону следовало именно в этом направлении.

Глава третья. Дела государственные и не только

Господи, и зачем только люди знатного происхождения и обладающие к тому же немалыми деньгами так рвутся к трону? Кроме головной боли и бессонницы, это занятие не сулит ничего приятного. Теперь я, так сказать, на собственной шкуре ощутила все «прелести» положения законной наследницы престола. И желала одного: кому-нибудь это высокое звание передать. Ибо – достали.

Нет, с войсками все прошло на удивление гладко. Мне удалось уговорить сиятельного герцога Бирона не проталкивать на высокие командные должности исключительно немцев и разных прочих шведов, а передать это самим русским – на их усмотрение. За это пришлось пообещать его второму сыну руку и приданное Александры Меншиковой – младшей дочери давно скончавшегося «полудержавного властелина». Шесть миллионов золотом, лежавших в иностранных банках, были очень весомым доводом, в прямом и переносном смысле, и Бирон благоразумно устранился от вмешательства в кадровые вопросы армии. Императрицу же это вообще интересовало постольку – поскольку.

Исключение я сделала только для одного тевтонца – Миниха. Этот обжора и горлопан был действительно талантлив, черт бы его побрал. Пока двор теперь уже покойного императора Петра Второго торчал в Москве, Миних, будучи губернатором Санкт-Петербурга, развернул там бурное строительство, преимущественно в камне. И в военных делах разбирался отменно. А когда я прочитала его докладную записку императрице о проекте возведения моста между Санкт-Петербургом и Финляндией, то поняла, что этого новоявленного «барона Мюнхаузена» лучше держать при себе и всячески поощрять.

Так что фельдмаршалом у нас теперь был Александр Иванович Румянцев, обласканный и возвышенный еще Петром Первым, а генералом-фельдмаршалом – Бурхард Миних. Остальных немцев я с помощью незаменимого Андрея Ивановича Ушакова разогнала поганой метлой, используя компроматы из бумаг бывшего канцлера Остермана. Так что в войсках теперь все чаще поднимали тосты не за «душеньку-царевну Елизавету», а за «государыню-царевну Анну». Которой, Анне то есть, и присягнули наконец-то по всем правилам и по доброй воле.

Православная, ежедневно посещавшая церковь, щедро раздававшая милостыню, да еще и умудрившая императрицу восстановить патриаршество на Святой Руси, я становилась чрезвычайно популярной среди русского народа. А когда прошел слух, что государыня-царевна немцев на дух не переносит и желает России процветания без иноземцев... Тут я даже немножко испугалась всплеска народного восхищения. Тётушка могла это понять неправильно: как покушение на ее власть еще при жизни. Пришлось немножко попридерживать свое государственное рвение и смыться на пару месяцев на богомолье в Троице-Сергиеву лавру.

Вот где я, наконец-то отдохнула! Хотя добросовестно отстаивала все положенные службы, постилась и читала исключительно духовные книги. Благо из в Лавре было предостаточно. Меня, разумеется, не беспокоили, а я в этой благостной тишине обдумывала свои дальнейшие действия, которые вряд ли были бы одобрены добропорядочными христианами. Но... с волками жить – по-волчьи выть.

Помимо всего прочего мне представили одного молодого человека, близкого родственника тётушки-императрицы, а, стало быть, и моего то ли троюродного, то ли пятиродного кузена – графа Владимира Салтыкова, сына Семенова. Впрочем, молодым он тут не считался – парнишке было почти тридцать лет, возраст по тем временам довольно почтенным. Носил чин гвардии капитана и честно служил в Москве. Сведения о нем были самые благоприят-

ные – вином не увлекался, в карты не играл, отцовское наследство потихоньку преумножал, а не проматывал, да и внешне был скорее привлекателен, нежели отталкивающим.

Я его обласкала и – пока! – отпустила. Бравый капитан не подозревал, что «государыня-царевна» самым недвусмысленным образом «положила на него глаз», то есть наметила его персону себе в законные супруги. Не в императоры, конечно, Боже упаси, меня бы все русская аристократия со свету сжила за такое возвышение одного из них, а всего лишь в принцы-консорты. И из тех двух бесед, которые у нас с ним состоялись в присутствии многочисленных духовных лиц, сделала самый положительный для себя вывод: в меру умен, в меру тщеславен, и уж точно не станет плясать под дудку какого-нибудь иностранного двора.

Оставался пустяк: сделать так, чтобы моя венценосная тетушка **сама** избрала своего родственника мне в мужья. Тут мне должны были помочь сразу три персоны, имевшие на Анну Иоанновну бесспорное и сильное влияние: ее любовник, ее духовный наставник и ее сторожевой пес. То есть герцог Бирон, патриарх Феофан и Андрей Иванович Ушаков.

Письмам я не доверяла, поэтому дождалась возвращения в Санкт-Петербург и тайно встретила со всеми тремя – по очереди. Как я и полагала, герцогу было наплевать с высокой колокольни на мое замужество: лишь бы не потерять теплое во всех отношениях места при тетушке. Патриарх мою идею воспринял с энтузиазмом и выразил готовность всячески ее поддерживать и внедрять в сознание императрицы. Андрей Иванович по обычаю своему почти ничего не сказал, но в целом к затее отнесся одобрительно. По-моему, немцы в частности и иностранцы вообще ему самому надоели хуже горькой редьки. Своего-то хоть с маслом ешь, а к этим – не подступишься, какие бы вредные для государства дела ни учиняли.

Но прежде, чем устраивать свою личную жизнь (нельзя же быть эгоисткой!), следовало озаботиться счастьем кузины Елизаветы. Одно время я носилась с мыслью выдать ее за португальского короля – там как раз искали невесту. Но католики – удивительно щепетильный народ в вопросах заключения браков. Королевская невеста должна была быть, во-первых, невинной, а во-вторых, девушкой, то есть не старше двадцати лет.

Кузина же моя приближалась к тридцати годам, а девственность ее пришлось бы долго разыскивать среди придворных и гвардейцев. Не говоря уже о том, что она тайно рожала то ли два, то ли три раза. Нет, такую невесту чопорный португальский двор не примет. А выдавать за какого-нибудь немецкого герцога было слишком опасно: ну как после смерти моей тетушки Елизавета Петровна заявит о своих правах на престол. То-то веселье пойдет с участием многочисленных родственников немецкого супруга.

Оставался, естественно, монастырь. Но, как мудро заметил в одной из бесед патриарх, «клобук монашеский к голове не гвоздем прибит». Да и предлагали русские аристократы совсем недавно возвести на престол разведенную супругу Петра Первого старицу Елену. Кто им помешает попытаться возвести на престол дочь того же Петра, даже если и она станет старицею?

Осенило меня во время одной из бесконечных служб в Лавре, когда я благочестиво разглядывала многочисленные иконы и в одном из изображений кающейся Марии Магдалины усмотрела сильное сходство с кузиной Елизаветой. Какая связь? Сейчас поясню. Мне пришло в голову, что можно найти кузине двойника и именно его, точнее, ее, принявшую к тому же обет вечного молчания, постричь в каком-нибудь московском монастыре. А саму Елизавету свет Петровну отправить на Соловки: там дело с подземными мешками-камерами было поставлено отменно.

Жестоко? Да, безусловно. И мне, сохранившей, в общем-то гуманную ментальность третьего тысячелетия от рождества Христова, было немного не по себе, когда я обдумывала все эти проекты. Но я каждый раз заставляла себя вспоминать о том, что моего полугодовалого сына в будущем та же Елизавета отправит в вечное заключение в Шлиссельбургскую

крепость, сделав из него русскую «Железную маску». Я собиралась совершить преступление, но... исключительно с целью предотвратить преступление же.

– Найти девку или бабу, ликом схожую с Елисавет Петровной... – задумчиво сказал Ушаков, когда я поделилась с ним своей задумкой. – Не так уж и сложно. Красавиц-то на Руси много, а курносых – еще больше.

Это Великий инквизитор изволил пошутить, намекая на то, что в профиль моя кузина напоминала обычную чухонскую девку, хотя анфас была – писаной красавицей, правду писали историки. Зато с фигурой проблем быть не должно было: параметрами фотомодели моих времен Елизавета не обладала, зато воплощала собой идеал русской красоты: пышный бюст и широкие бедра.

– А вот с самой Елисавет Петровной нужно, мнится, вот как поступить: под строгим караулом отвезти в Соловки, там, уж извини, государыня-цесаревна, язычок ей укоротить, дабы никого в лишней соблазн не вводила, ну, а уж после этого...

Я невольно передернулась. Одно дело – обречь человека на заточение, совсем другое – пролить его кровь. Хотя в царствование моей августейшей тетушки кровавыми расправами уже и кошку удивить было невозможно, но я как-то пока ухитрялась оставаться в стороне от этого, да еще и время от времени добивалась смягчения особо жестокого приговора.

Ушаков, разумеется, заметил, как меня перекосило, и чуть заметно усмехнулся:

– А я еще вот что скажу, государыня-цесаревна. Елисавет Петровна опять в тягости, сказывали мне верные людишки. От кого понесла – сие, пожалуй, ей самой неведомо, но на сей раз плод она скидывать собирается.

– Отчего же не рожать? – чисто механически спросила я.

Хотя скидывание нежеланного плода в то время было делом самым обыкновенным. И снадобья особые для этого имелись, и с высоты деревенские девки прыгали, и тяжести непомерные нарочно поднимали. А дамы познатнее до умопомрачения скакали на лошади или занимались сексом – тоже до умопомрачения. Правда, маменька моя, царствие ей небесное, в этом отношении была особой очень продвинутой: подпольные абортёры ей до конца жизни делал доктор Блументрост. Частично и по этой причине герцогиня Мекленбургская сравнительно рано отдала Богу грешную душеньку: брюхатела она, как кошка, хорошо если раз в год. Бывало же и чаще.

– Оттого не желает Елисавет Петровна рожать, что тётушка ваша пригрозила ей, ежели еще раз понесет, в монастырь запереть навечно. Вот и ищет царевна лекаря доброго, да не болтливого, дабы ей помог, а все происшествие в тайне оставил. Да только вот денег у нее, как всегда, мало.

– А вот с лекарем я ей, пожалуй, помогу, – оживилась я. – Есть у меня один на примете. Для себе берегла, да как с родственницей не поделиться... Догадываешься, наверное, Андрей Иванович, о ком речь.

Ушаков снова чуть заметно улыбнулся. Еще бы он не догадывался! Он просто совершенно точно знал, кого я имела в виду.

Иоганн Германн Лесток был французским дворянином и протестантом, проявившим большие способности к медицине, прежде всего, к хирургии. В Париже, куда он рискнул вернуться, его, однако, постигла неудача: по анонимному доносу он был арестован и год провел в тюрьме. Освободившись же, завербовался в армию и стал полковым хирургом, но жестоко страдал от вечного безденежья и уязвленного самолюбия: офицеры не желали признавать равным себе «лекаришку», пусть и хорошего происхождения.

Тогда вся Европа была полна слухов о новой, обетованной для иностранцев стране – России, где якобы можно было быстро найти и деньги, и почёт, и дело по душе. В 1713 году Лесток был принят на русскую службу и сумел понравиться самому императору Петру. Но...

в чем-то провинился и был сослан в Казань, откуда его вызволила лишь всегда благоволившая к нему императрица Екатерина.

Лесток был определен лейб-медиком к цесаревне Елизавете Петровне, какое-то время благоденствовал, но... на трон взошла Анна Иоанновна. Двор цесаревны фактически попал в изоляцию, денег катастрофически не хватало. Лесток пробовал было упрочить свое положение карточной игрой, но был слишком уж удачлив, чтобы в нем не заподозрили шулера.

Тут-то им и заинтересовался Ушаков. Навел справки, проследил за хирургом-картежником и доподлинно выяснил, что тот уже готов стать шпионом французского двора и участником заговора в пользу цесаревны Елизаветы. И легко переманил склонного к авантюрам француза на свою сторону, предложив ему выбирать: дыба и плаха или безбедное существование в качестве осведомителя и помощника главы Тайной Канцелярии.

От него Ушаков и узнал о новой беременности цесаревны. Но – выжидал, не зная пока, как обернуть дело на пользу императрице. А тут очень кстати возникла я со своими сумасшедшими проектами.

– Надобно приказать Лестоку цесаревну от нежелательной беременности освободить, – спокойно сказал Ушаков. – А при сем всяко может случиться... глядишь, и Соловки не понадобятся. Язык же покойнице можно сохранить.

Да, в плане устранения неугодных людей не мне было тягаться с Андреем Ивановичем. Тогда ведь смерть от выкидыша или подпольного аборта была делом настолько естественным, что на нее и внимания-то никто не обращал. Умерла, несчастная, от потери крови... Но у меня были сильные подозрения, что могучий организм моей кузины так просто не сломать. Нужно было нечто более радикальное.

– А потом и самого Лестока можно... – продолжал своим тихим, вкрадчивым голосом Ушаков.

Я встрепенулась:

– А вот этого не надо бы, Андрей Иванович. Врач он добрый, еще пригодится. А то, что его руками кузину мою от бремени... всякого освободим, так то его крепче к нам привяжет. Будет служить за страх, совести у него точно нет. И в пользу французов шпионить не станет: мы уже почти уговорили ее императорское величество подписать вечный мир с Версалем и не поддерживать саксонского претендента на польский трон. Пусть поляки себе природного Пяста изберут, свекра короля французского.

Да-да, и этим приходилось заниматься – высокой политикой. В бытность свою великим канцлером, Остерман много навредил России в политике внешней, стремясь лишь двору венскому угодить. Чуть было не двинули русские войска сажать на трон нового короля Польши. Чуть было не потеряли завоевания императора Петра на юге России: тетушка моя имела весьма смутное представление о том, где находятся какие-то том Баку и Гилян, и какая от них польза. А Франция обещала защиту от турок в случае, если Россия не станет мешаться в польские дела...

Я тряхнула головой. Нет, нужно заводить нормальный кабинет министров, как у всякого приличного европейского монарха. Эвон, у шведской королевы Кристины два века назад целый парламент в помощниках состоял, а я тут кустарщиной занимаюсь. Да и история показала: не правили женщины самостоятельно, всегда себе дельных помощников подбирали. Уж на что была умна сводная сестра царя Петра – Софья, и та мало что смогла бы без советов и поддержки князя Василия Голицына.

– С Лестоком поговори, Андрей Иванович, – подвела я итог. – Пусть цесаревне кесарево сечение сделает. И ВСЕ вычистит.

Вот в гинекологии Ушаков явно был не слишком силен, поэтому пришлось ему быстро и, что называется, «на пальцах» объяснить предстоящую процедуру удаления детородных органов у моей любимой кузины. А ежели потом швы разойдутся... ну, раньше времени

цесаревна с постели поднимется или выпьет лишку, так на то воля Божия, а с Богом, как известно, судится не будешь.

А не блуди внаглую, коли желаешь трон российский занять! Тоже мне нашлась еще одна «королева-девственница». Хватит с истории и ее английской тезки.

Некоторые уточнения и дополнения, которые я внесла в план операции (операции как в прямом, так и в переносном смысле), по-моему, удивили даже Великого Инквизитора. Действительно, додуматься до этого могла только женщина, насмотревшаяся за всю свою жизнь голливудских боевиков и «ужастиков». А еще говорят, что нравы общества со временем смягчаются. Как же, смягчаются они...

С Лестоком, как я и думала, проблем не возникло. Благородный французский дворянин и авантюрист по призванию быстренько смекнул, на чью сторону сейчас выгоднее переметнуться. Тем более, насколько мне было известно, Франция обещала ему деньги за поддержку заговора в пользу Елизаветы, дабы восстановить русско-французский альянс и разорвать слишком тесные связи между Петербургом и Веной. Так это я и сама без всякого переворота потихонечку проворачивала. А мои «спецзадумки» не вызвали у эскулапа даже тени изумления: по-видимому, в его бурной жизни бывали ситуации и покруче. Или просто он много больше Ушакова понимал в женщинах.

Так что, получив от меня дорогой презент, а от Ушакова – отеческое внушение, Лесток через несколько дней тайно известил меня о том, что все ему порученное проделал в лучшем виде и теперь цесаревне нужен только покой. То бишь строгий постельный режим минимум на полмесяца. Так неудачно: буквально на днях наступали именины тётушки, а в сей день все обязаны были быть при дворе, поздравлять виновницу торжества, танцевать, веселиться и упиваться в стельку. Последнее, впрочем, ко мне не относилось.

В ответ на робкие возражения Елисавет свет Петровны о том, что, дескать, недужна и прибыть на праздник никак не может, последовало контрпредложение императрицы: немедленно отправляться в монастырь и замаливать там свои грехи. Ибо ей, императрице, ведомо, какая хворь настигла страдалицу, и неявка на праздник будет расценена как государственная измена. Со всеми проистекающими...

Утром торжественного дня я уделила своему туалету особое внимание. На именины должен был прибыть из Москвы мой будущий супруг, который, впрочем, пока не подозревал о предстоящем бракосочетании. Просто тётушка отписала на Москву своему близкому родственнику, отцу молодого графа Салтыкова, и выразила желание видеть бравого капитана Владимира Салтыкова на празднике в столице.

Желание императрицы – закон, так что сегодня вечером, если все пойдет успешно, государыня-тётушка объявит во всеуслышанье о моем предстоящем бракосочетании. Дипломатам иностранным это, скорее всего, не по вкусу придется, особенно австрийцам и пруссакам, упорно сватавшим мне своих второсортных принцев. Ничего, перебьются. Детям своим я, возможно, и буду искать пары за границей, но до этого еще надо дожить. А пока – в своем родственном кругу все матримониальные вопросы, благословясь, порешаем.

Я надеялась, что душе-Остерману крепко икалось в его каземате. Ведь в истории, естественное течение которой я нарушила своим появлением в теле юной принцессы Мекленбургской, именно Андрей Остерман – мастер хитроумных и запутанных комбинаций – разработал довольно сложный вариант решения проблемы престолонаследия. Следуя плану канцлера, Анна Иоанновна потребовала от своих подданных всеобщей присяги на верность тому наследнику престола, которого в будущем выберет она сама.

Поступая так, императрица воспользовалась знаменитым «Уставом о престолонаследии» Петра Великого 1722 года, согласно которому государь имел право назначить себе в преемники любого из своих подданных. Послушно присягая в том, что от них требовали, подданные слегка недоумевали: кто же будет наследником? Вскоре стало известно, что им

станет тот, кто родится от будущего брака племянницы царицы, которой в ту пору было всего двенадцать лет, и ее еще неведомого мужа.

В этом-то и состоял хитроумный план Остермана. Это он подал императрице доклад в преамбуле которого было сказано: «Чтоб Ея императорского величества известное все-милостивейшее намерение во исполнение приводить, следующее всеподданнейше представляется...» А затем отправил еще одного немца – Густава Левенвольде – в Германию, в Брауншвейг дабы передать принцу Брауншвейг-Вольфенбюттельскому Антону Ульриху, официальное приглашение Анны Иоанновны прибыть в Россию в качестве претендента на руку племянницы императрицы.

Уже с середины 1720-х годов Остерман делал ставку на Австрию как на лучшего союзника России в двух районах взаимных интересов: в Польше, с целью раздела ее территории, и в Причерноморье, где наиболее эффективной была союзническая борьба с общим и еще могучим соперником – османской Турцией. Неудивительно, что сохранилось много свидетельств особого интереса Остермана к судьбе Антона Ульриха в это время. Так желала Вена, и ее желание Остерман выполнил... бы. И завертелась бы подлая и кровавая карусель переворотов.

Об этом я думала, сидя за туалетным столиком и давая короткие указания куаферу и камеристкам. Нет, историки все-таки здорово исказили факты: не была племянница Анны Иоанновны дурнушкой-замухрышкой, а если и была, то душа дамы, разменявшей пятый десяток лет в прежней жизни, сумела правильно использовать «подручный материал».

У меня, теперешней, семнадцатилетней, были роскошные (по понятиям будущего) пепельно-белокурые волосы до талии. С момента появления в этом теле я приказывала еженедельно промывать их настоем ромашки, отчего они приобрели блеск и золотистый оттенок. Сотни просмотренных рекламных роликов об уходе за тонкими светлыми волосами намертво отложились в памяти.

Мое экстравагантное желание каждое утро обтираться льдом сначала вызвало среди окружающих легкую панику: никак принцесса в уме повредилась? Но шли месяцы, цвету моего лица завидовало все больше придворных дам и девиц. Второго секрета, позаимствованного из откровений еще не родившейся в этом времени блистательной Софии Лорен было – оливковое масло. Оно заменяло мне и дневной, и ночной кремы. Кстати, очень рекомендую всем: этот ингредиент так или иначе входит в состав всех дорогостоящих кремов.

Сделали свое дело и занятия танцами и верховой ездой: ноги стали крепкими, а талия – стройной. Пышности бюста мне это, правда, не прибавило, но я за этим не больно гналась: девятого размера государыни-тетушки с лихвой хватило бы на трех дам. Впрочем, когда талию до умопомрачения затягивают в корсет, грудь автоматически встает по стойке «смирно».

И вот еще кстати о тетушке, государыне-императрице Анне Иоанновне, «царице страшного зраку», как ее окрестили историки. При ближайшем рассмотрении она оказалась самой обыкновенной малограмотной и дурно воспитанной теткой, очумевшей от сознания внезапно свалившихся неограниченной власти и вседозволенности. При малейшем отпоре эта коломенская верста пудового веса тушевалась и начинала бормотать что-то невразумительное.

Это я поняла буквально в первые дни своего появления в ее времени. Чем-то я тетушке не угодила, и она со всей дури отвесила мне неслабую оплеуху, так, что я отлетела к противоположной стене. Присутствовавшая при этом маменька даже не шелохнулась, но я завелась, что называется, «с полоборота». Вскочила на ноги, прыгнула на императрицу, как дикая кошка и... укусила ее. За плечо, выше просто не достала. А потом покрыла добротным русским матом этажа в четыре.

Та так и села – в прямом и переносном смысле. Маменька от ужаса чуть сознание не потеряла. Приживалки, шуты и всякие уроды разметались по углам и стенкам и там затихли, ожидая неминуемой страшной бури. Но ее... не последовало.

– Ишь ты, какая бойкая, – хмыкнула императрица. – Тебе ножик дай – родную тетку прирежешь. Вся в папеньку удалась, коза безрогая.

– От козы и слышу! – огрызнулась я. – И не сомневайся: еще раз пальцем тронешь, мало тебе не покажется. Ишь, моду взяла по морде бить! А изуродуешь? Как я замуж с такой харей пойду?

– Это ты мне? – не поверила своим ушам тётушка.

– Ну, не дуракам же твоим. Их хлещи хоть по щекам, хоть по заднице – у них служба такая. А меня трогать не смей, я такой же царской крови, как и ты. Иначе уеду от тебя к чертовой матери – ищи себе наследников престола. Вона в Голштинии сынок покойницы Анны Петровны подрастает, его и объявишь.

Поговорили, короче. Но с тех пор тётушка меня зауважала почти также сильно, как своего фаворита. Не то, чтобы бить – голос повысвить лишний раз опасалась. Хотя иной раз специально провоцировала меня на ругань: по-моему, ей просто доставляло удовольствие слушать непристойности. Эту ее блажь я старалась, как правило, уважить: посылала государыню-императрицу по всем известным мне адресам и поминала всю ее родню по женской линии в соответствующем контексте.

Но сегодня я с ней ругаться не собиралась. Наоборот, хотела попросить о милости. Патриарха я уже подключила, он мою мысль благую одобрил и благословил. А Ушаков мне при сем деле и не надобен был: пусть порядок в империи блюдет, да врагов изыскивает. А мне друзья нужны, ох, как нужны. И не немцы, вроде Наташки Лопухиной, в девичестве Балк, хотя она и подлизывалась ко мне всячески, а я ее для вида привечала. Русские мне нужны были, чтобы прочной стеной впоследствии вокруг моего трона стали.

Лопухина – легка на помине! – с легким стуком каблучков влетела в мою комнату. До чего, действительно, хороша, чертовка, а ведь за тридцать перевалило и рождает от любовника своего Левенвольда одного ребенка за другим. Хоть бы парочку килограммов прибавила или подбородок двойной завела... Нет, цветет кошка немецкая!

– Вы сегодня бесподобны, принцесса, – защебетала она. – Весь двор будет у ваших прекрасных ножек. А у меня новость... ах, какая новость!

Без «ах, каких новостей» эта красotka у меня ни разу не появилась. Интересно, что у нее припасено на сей раз.

– Никак опять в тягости? – усмехнулась я.

– Помилуйте, принцесса, при чем тут это! Сегодня ко двору нового посланника саксонского представлять будут.

– Да? Ну, и что с того? На кой нам саксонцы-то сдались?

– Имею сведения, что жениха для вас нашли и будут свататься.

Я отстранила камеристку, которая что-то еще улучшала в моем туалете и поднялась из-за столика. Так, уже интересно. Что-то больно оживлена у нас Наталья Федоровна, а такой она бывает лишь в предвкушении богатого подношения или после получения оногo. Так и есть: на лилейной шейке сверкает бриллиант в затейливой оправе.

– Саксонский презент? – осведомилась я, прикоснувшись к дорогой побрякушке.

– Н-нет, – с запинкой ответила красotka. – Муж купил.

– Любит, значит, сильно.

Только глухой не услышал бы в моем голосе откровенного издевательства. Но у госпожи Лопухиной, по-видимому, именно сейчас были проблемы со слухом.

– Ваше высочество, саксонский-то посланник – такой красавец! Прямо сахарный кавалерчик.

– Неужто краше твоего Левенвольде ненаглядного? – усомнилась я.

Усомнилась притворно, ибо все исторические книги, прочитанные мною, воспевали необыкновенную красоту этого саксонско-дрезденского дипломата. Было у меня подозрение, что и прекрасная Лопухина не устояла, хотя, в принципе, сохраняла верность своему тоже весьма привлекательному любовнику.

– Я же не для себя... – пробормотала Наталья, залившись краской.

– Для дочери жениха сыскиваешь? – поддела я ее.

Прекрасно знала, что Наташка терпеть не может, когда ей говорят о том, что у нее уже дочь – невеста. Ничего, проглотит. К сожалению, девочка не унаследовала материнской красоты, так что рассчитывать приходилось только на богатое приданное, да на императорские милости.

– Государыня-императрица изволили обещать, что сами жениха нам сыщут, – вывернулась Лопухина.

– Ну и хорошо, – поддела я итог. – Пойдем в залы, что ли, что тут рассиживаться. Опоздаем – тетушка гневаться станет. Да, чуть не забыла: Елизаветка-то будет ли? Слышала, прихворнула она...

– Обязательно будет, – твердо заверила меня Лопухина. – На именины государыни и мертвая воскреснет.

Обе мы ломали комедию: Наталья была одним из основных винтиков моей довольно сложной интриги, без нее затеянное представление могло и провалиться. Жестокое, конечно, представление, но дражайшая кузина просто не оставляла мне иного выбора.

В освещенных сотнями свечей залах уже толпились разряженные придворные. Я искала глазами Елизавету, но та, по-видимому, задерживалась. А ко мне подошел сам герцог Бирон.

– Ваше высочество, разрешите представить вам посланника саксонского, господина Мориса Линара...

Я не без интереса глянула на представляемого мне легендарного красавца, от которого дамы буквально млели. И чуть не расхохоталась: передо мной был почти полный двойник... Леонардо ди Каприо, кумира девушек оставленного мною времени, только годков на десяток постарше. А еще говорят, что вкусы со временем меняются!

Увы, «сахарные кавалерчики» меня никогда не прельщали. Я равнодушно улыбнулась саксонскому красавцу, протянула ему руку для поцелуя и повернулась спиной, не дожидаясь даже, пока он договорит начатый цветистый комплимент. Краем глаза уловила торжество на лице Бирона и откровенную растерянность на лицах окружающих. А саксонец просто онемел и застыл восковой статуей. Таких афронтон ему доселе явно не приходилось переживать.

В этот момент очень кстати громогласно и торжественно объявили о явлении народу именинницы – государыни всероссийской Анны Иоанновны, и я поспешила к тетушке.

Впрочем, Бирон там оказался еще раньше меня. Все-таки не хватало мне придворной ловкости и выучки.

В свите тетушки я заметила своего пока еще необъявленного жениха – успел-таки граф Салтыков из первопрестольной. Сама именинница была в прекрасном расположении духа и больше обычного расфуфырена: по-моему, она нацепила на себя все драгоценности, которые у нее только были. Плюс платье из алой парчи, затканное золотом. Самодержавие во всем блеске... Жуткая безвкусица, должна сказать.

Я-то, в ожидание кое-каких событий, нарядилась в тот день во все белое, а из драгоценностей предпочла только жемчуг. Затмить императрицу в таком прикиде я, конечно, не могла, да и большинство придворных дам были одеты куда пышнее. Вот и хорошо, меньше зависти, меньше желчи...

У дверей возникло какое-то движение и я догадалась, что прибыла, наконец, моя кузина. Тоже в белом платье – другого у нее по бедности содержания и не было. Я могла бы, конечно, послать ей что-нибудь в презент по случаю сегодняшнего тожества, но в моей постановке она должна была быть именно в белом.

На нем кровь заметнее.

Глава четвертая. Первая кровь и последние слезы

То, что я сегодня тоже была именинницей, как-то не отложилось в сознании моей венценосной тетушки. Меня, впрочем, это не удивляло: ни разу еще она не вспомнила об этом вовремя. Спыхватывалась уже потом – через три дня или неделю – и дарила очередную побрякушку. Но сегодня день моего ангела должен был быть особенным, ибо его сценарий я составляла долго и любовно.

Для именинницы и ее самых близких – то есть меня, дорогой кузины и герцога Бирона с его герцогиней – в зале был установлен стол: на возвышении аж в семь ступеней и под балдахинном на золоченых столбах. Туда мы и проследовали, дабы приступить к торжественной трапезе. Впоследствии к нам должен был присоединиться граф Салтыков – первый сюрприз для публики, запланированный мною на сегодня.

Остальные расселись за столами по стенам залы, оставив в середине довольно широкое пространство – для танцев. Парадный обед начался и проходил под непрерывное музыкальное сопровождение: вверху на особой галерее стояли виртуозы, кастраты и певицы, которые пели, сменяя друг друга.

После трех перемен блюд и немереного количества здравниц в честь именинницы, государыня-тётушка поднялась и властно махнула музыкантам. Пение тут же прекратилось и в зале воцарилась абсолютная тишина.

– Сегодня у нас двойной праздник, – басом начала тётушка. – Племянница моя, государыня-цесаревна Анна, престолу российскому наследница законная, как послушная дочь согласилась с моим выбором персоны, ей в супруги предназначенной. Обручение завтра отпразднуем, а нынче – помолвка состоится. Граф Владимир, подойди сюда, дабы народ тебя видеть мог.

Я отметила про себя перекосившуюся физиономию красавчика Линара и внутренне усмехнулась: пролетел, милок, как та фанера над Парижем. Обломилось тебе, дружок, не бывать никогда любовником и фаворитом русской принцессы. Тем паче – правительницы.

А Владимир Салтыков, чеканя шаг, приближался к императорскому возвышению. Что ж, выглядел он вполне представительно: высокий, атлетически сложенный, с правильными чертами лица. В той истории, которую я своим появлением изменила, именно он произвел на свет первого любовника Екатерины Великой – признанного красавца. Увы, не судьба теперь...

Граф Салтыков поднялся на помост, преклонил колено перед императрицей и почтительно поднес к губам край ее платья. Потом поднял голову и произнес:

– Позвольте, ваше императорское величество, верноподданнейше поздравить с днем ангела вашего. И презент от нашего семейства поднести.

Презентом оказалось ружье изумительной работы с инкрустированным перламутром прикладом. Дорогая тетушка вмиг разругалась: то ли от выпитого венгерского, то ли от удовольствия.

– Благодарствуй, дружок, – растроганно пробасила она, – уважил меня. Теперь с невестой поздоровайся.

Граф поднялся с колен, подошел ко мне и склонился в изысканном придворном поклоне:

– Ваше императорское высочество, безмерно счастлив снова вас видеть.

– И я рада вам, граф, – стыдливо потупившись, ответствовала я.

– Позвольте ли и вам презент в честь дня ангела вручить?

– Ох ты, господи, – громыхнула со своего места императрица, – я и запомнила, что невеста-то у нас тоже нынче именинница. Ты уж, Аннушка, не серчай...

– Как можно, тетушка! – как бы даже возмутилась я. – Вашими молитвами живу, из ваших ручек хлеб ем...

Тем временем лакеи поднесли подарок моего жениха – дивной работы седло для дамской езды. Понятно, не столько мне хотел угодить, сколько моей тетушке. Но поступок, хочу сказать, грамотный.

– Сказывают, ваше императорское высочество особую склонность к верховой езде имеет...

– Благодарю, граф, – чинно ответствовала я.

Императрица громко хлопнула в ладоши:

– С нашего благословения объявляетесь вы отныне женихом и невестой. А после свадьбы быть графу Салтыкову с титулом Великого князя и отца наследника престола моего. А теперь – танцы!

И властно кивнула своему драгоценному Бирону, который уже проявлял некоторые признаки беспокойства: о нем вроде бы и позабыли. С ним императрица и открыла бал – полонезом. Второй парой были мы с графом Владимиром, а третьей...

Я глазам своим не поверила: красавчик Линар набрался наглости пригласить мою кухню Елизавету. Нет, в мои планы входило именно заставить ее танцевать, причем как можно больше, но лучшего кавалера даже я бы не нашла: тетушка терпеть не может, когда на Лизку знатные красавцы внимание обращают.

Полонез сменился чинным менюэтом, и к моей затаенной радости кухня не пожелала расстаться со своим «сахарным кавалерчиком», хотя тетушка уже кидала на нее гневные взоры. Я приняла приглашение герцога Бирона, а государыня-императрица хотела вернуться за стол – поближе к еде и выпивке. Но перед ней склонился мой жених:

– Матушка-императрица, удостойте великой милости...

Отказать тетушка не смогла, а может быть, не захотела. Танцевала-то она неплохо, несмотря на чрезмерную полноту, видно, учителя в свое время хорошие были, да и почти тридцать лет практики сказывались. Я же обучилась всем этим танцевальным премудростям осьмнадцатого века сравнительно недавно, а больше всего мне пригодились то, что в прежней жизни я какое-то время училась в балетной школе. И сохранившиеся в сознании приемы были добросовестно внедрены в молодые мозги.

Но все равно я сосредоточилась, в основном, на собственной грациозности и изяществе, поэтому выпустила из вида остальные пары. К счастью, мой партнер танцевал не просто хорошо, а очень хорошо, и не отвлекал меня глупыми разговорами. Во-первых, потому, что вообще был не слишком большим любителем разных бесед, а во-вторых, прекрасно знал, что императрица не спускает с него глаз и потом потребует отчета за каждое произнесенное слово. Так что проще было молча танцевать.

После менюэта нас пригласили на удивительное зрелище. Из окон, выходящих на Неву, мы могли видеть на поверхности застывшей реки, на том ровном ледовом поле, которое образовалось между стрелкой Васильевского острова, Петропавловской крепостью и Зимним дворцом, тысячи зеленых и синих огней – там засиял волшебный искусственный сад.

В центре красными цветами переливалось имя ее императорского величества (а значит, и мое), а венчала все это многоцветная, искрящаяся и переливающаяся всеми цветами радуги корона. Как я потом узнала, задействовано было больше ста шестидесяти тысяч светильников. Помимо этого были богато иллюминированы крепости – Петропавловская и Адмиралтейская, а также здание Кунсткамеры, где временно располагалась Академия наук.

Гости издавали восхищенные возгласы, тетушка императрица сияла от удовольствия и осознания своего могущества – взяла и выкинула несколько сотен тысяч рубликов на «огненную потеху», а я мысленно прикидывала, сколько полезного можно было бы сделать за такие деньжища. Но тут раздался оглушительный треск и в пламени фейерверка возникли два

имени, искусно сплетенные вместе: Анна и Владимир. Тут уж все присутствовавшие обратили взоры ко мне и моему жениху и зааплодировали, улыбаясь и кланяясь.

Граф Салтыков мог еще раз убедиться, как ему повезло, – он становился не просто родственником императрицы, а членом ее семьи, третьей по значению персоной в империи. Не удивительно, что он приблизился ко мне и, припав на одно колено, запечатлел на моей руке долгий, почтительный, но достаточно пылкий поцелуй. Я решила, что тут уместнее всего будет смутиться и добросовестно залилась краской до самых ушей. Так что императрица, рядом с которой снова стоял ее обожаемый Бирон, была чрезвычайно довольна всем происходящим.

– К столу! – зычно провозгласила она. – Выпьем за помолвленных. А потом кто желает, может танцы продолжить.

У меня особого желания танцевать не было, я ждала подготовленного мною же развития событий. Пока мы любовались иллюминацией, Наталья Лопухина должна была незаметно кое-что добавить в бокал моей кузины. И вообще – привести реквизиты для новой мизансцены в боевую готовность. Я надеялась, что все было выполнено добросовестно, и что красавчик Линар, буквально приклеившийся к Елизавете, не оказался чрезмерно внимательным.

Так оно и было. Выпив за наше с графом Владимиром здоровье по приличному бокалу венгерского, эта сладкая парочка снова отправилась танцевать. Танец был быстрый, с подскоками и поворотами, не помню точно, как он назывался. Но внезапно сквозь громкую музыку и жужжание голосов донесся истошный женский визг.

Визжала Наталья Лопухина, указывая дрожащей рукой на цесаревну Елизавету, которая лежала на полу, а по ее белому платью стремительно расплзлось алое пятно. По-видимому, моя кузина лишилась сознания во время танцев. И не только сознания. Подле нее в луже крови лежало крохотное тельце вполне оформившегося зародыша...

Допустим, в те времена выкидышами удивить кого-либо было трудно. Но чтобы особа императорского дома, официально – девица непорочная, скинула недоношенного младенчика во время придворного праздника... Это было, как сказали бы три века спустя, «перебор по взяткам». Даже почтенные замужние дамы, имевшие любовников, ничего подобного себе никогда не позволяли. А ведь на празднике присутствовали и дипломаты иностранные! Стыдобище – на всю Европу.

– Унесите отсюда эту потаскуху! – взревела именинница. – И врачей немедленно поκληчьте. Испоганила мне весь праздник!

Бирон попытался было ее успокоить, но она отмахнулась от него, как от назойливой мухи:

– В монастырь сквернавку! В самый глухой! Чтобы имени предков моих не порочила и мое величество не позорила!

– Тётушка, – попыталась я сказать свое слово, – успокойте свое высокое достоинство. Кузина выпила слишком много венгерского...

– Блудила она слишком много! – бушевала тётушка. – Хоть бы постыдилась в таком состоянии на люди выходить! Бог и наказал. Где Ушаков?!

Великий инквизитор предстал, как будто из-под земли вырос. Сдержанный, спокойный – как всегда.

– Андрей Иванович! Всех ближних девок и прислугу этой сквернавки вели немедля в свой Приказ тащить. Рви их, окаянных, на части, добудь мне правду. С кем эта шлюха блудила, от кого понесла...

– Тётушка, – вполголоса заметила я, – дело-то семейное, негоже его на потеху всей Европы выставлять. Кузина очнется, сама все вам расскажет, как на духу.

Императрица немного поутихла, тем более, что и герцог Бирон строил ей самые недвусмысленные гримасы неудовольствия. Но сразу успокоиться она, разумеется, не могла.

– Кто из лекарей ее пользовал?

Ответом было молчание. Хотя Ушаков прекрасно знал, что именно и когда проделал Лесток со своей пациенткой. Но мы с ним договорились, что доктор останется в стороне от этого дела. Пока. Мне самой в будущем хороший врач понадобится, а поди сыщи его. Пусть живет в страхе перед разоблачением – мое здоровье крепче будет.

– Не извольте беспокоиться, матушка-государыня, – негромко произнес Ушаков. – Все тотчас исполню по вашему приказанию. Дозволите удалиться?

– Ступай, Андрей Иванович, – почти милостиво ответствовала тётушка. – Чтобы к утру я все доподлинно знала.

Затем она обернулась к придворным и своим излюбленным жестом поддержала рукава пышного платья.

– Чего замерли? Праздник продолжается! У меня именины нынче, а у племянницы моей – помолвка. Вот и ликуйте, ежели меня любите.

Снова зазвучала музыка и гости волей неволей продолжили «ликовать». Я сидела на своем месте за столом, а подле меня, уже на правах жениха, – граф Владимир. Царедворец он был не слишком опытный и чувства свои скрывать не умел, так что на лице его отчетливо выражалась вся гамма только что пережитых эмоций.

– Успокойтесь, граф Владимир, – негромко сказала я, повернувшись к нему. – Все идет своим чередом, рано или поздно нечто подобное должно было произойти. Жаль только, что сей прискорбный случай совпал с торжественным днем...

– Ничего подобного в Москве никогда не случалось, ваше высочество, – растерянно пробормотал граф.

– Да и здесь, поверьте, это впервые, – чуть усмехнулась я. – На балу, во всяком случае, и в присутствии иностранных дипломатов.

– Дурная примета... Кровь в день нашей помолвки...

Я поморщилась.

– Полноте, граф. Не та кровь... Это скорее жертва, принесенная на алтарь нашего с вами благополучия.

– Вы говорите загадками, Ваше высочество.

– Вовсе нет. Все очень просто: было две принцессы царской крови, а теперь останется только одна. И вы, сударь, вступите в брак с единственной законной наследницей престола российского...

Я прикусила язык. Мне же по роли нужно притворяться невинной девицей, которая даже и не понимает как бы того, что вокруг нее творится, ибо – голубица непорочная и не слишком умная. Вот уж точно: язык мой – враг мой.

Выручил меня – вот уж сюрприз так сюрприз! – красавчик Линар, которому пришлось в голову пригласить меня на танец. Я даже восхитилась такой наглости и невозмутимости: только что одну принцессу замертво из залы унесли, а саксонский посланник уже к другой подкатывается. Везде поспел наш пострел.

– Вы позволите, ваше высочество, – повторил Линар приглашение.

Решил, очевидно, что я не расслышала с первого раза.

– Позволения надобно просить у ее императорского величества, – чинно ответила я. – Коли тетушка дозволит...

– О чем вы тут? – с обычной своей подозрительностью обернулась ко мне Анна Иоанновна.

Я вкратце объяснила – о чем.

– Нечего с иноземными послами плясать! – отрезала тетка, не слишком-то заботясь о протоколе. – Одна уже доплясалась. На жениха радуйся!

– Как прикажете, ваше императорское величество, – равнодушно пожала я плечами.

Тут герцог Бирон что-то шепнул своей любовнице-повелительнице. Наверное, напомним об этикете. Тетушка смягчилась.

– В знак уважения к брату нашему, курфюрсту саксонскому... Так и быть, дозволяем один танец с нашей племянницей.

– Благодарю вас, ваше императорское величество, – склонился в грациозном поклоне Линар и наградил мою тетку таким обволакивающе-томным взглядом, что та, по-моему, даже слегка поплыла. Во всяком случае, Бирон глянул на саксонского посланника без особой приязни: он отлично знал, что временами его верная подруга вполне способна завести интрижку-однодневку. А тут – такой красавчик. Я, впрочем, сохраняла на лице выражение отрешенного равнодушия к кавалеру.

– Ваше высочество так грациозно танцует, – заметил Линар после нескольких па какого-то замысловатого танца. – Вы могли бы стать украшением любого европейского двора...

– В качестве первой плясуньи? – холодно осведомилась я.

– Ваше высочество меня неправильно поняли, – с некоторым даже испугом отозвался посланник. – В качестве первой дамы, разумеется.

– Боюсь, я вас не понимаю.

– Ваше высочество могло бы выбирать из лучших женихов Европы...

– У меня уже есть жених... с сегодняшнего вечера.

– А я ехал сюда, дабы передать вам брачное предложение маркграфа Бранденбург-Ансбахского Карла, родственника короля прусского.

– Увы, вы опоздали, – с прежним равнодушием обронила я.

– Но ваше высочество еще даже не обручены! У меня с собой портрет маркграфа: ему только исполнилось двадцать лет и...

– Кому исполнилось двадцать лет? Портрету?

Юмор явно не был сильной стороной красавца-посланника.

– Да нет, маркграфу, конечно! Огромные владения, блестящие виды на наследство... Да вот извольте взглянуть.

И Линар, не прерывая танца, ловко вынул из-за обшлага миниатюру в золотой рамке. Я удостоила ее только беглым взглядом, а затем остановилась. Музыка смолкла через несколько секунд.

– Благоволите следовать за мной, господин посланник, – не терпящим возражений тоном повелела я.

И направилась напрямик к возвышению под балдахином, где моя венценосная тетюшка уже заметила очередную суматоху в зале и заметно побагровела. Нужно было ковать железо, пока оно было горячо... в прямом смысле.

– Ваше императорское величество, – присела я перед теткой в глубоком реверансе, – господин саксонский посланник изволили мне брачные препозиции делать во время танца. А всем ведомо, что сии дела только вами единолично решаются, да и избрали вы мне уже жениха. Меня же этот посланник бойкий в смущение приводит соблазнительными речами, которые слушать цесаревне русской зазорно.

– Это чем же он тебя соблазнял?! – заорала императрица.

– Пусть он сам вашему императорскому величеству все скажет, – отступила я на заранее подготовленные позиции.

И, с сознанием хорошо выполненного дела, уселась в кресло рядом с графом Владимиром, который проявлял все признаки живейшего беспокойства.

– Надеюсь, он вас ничем не оскорбил, ваше высочество? – осведомился он.

– Не думаю, чтобы брачное предложение можно было считать оскорблением, – мило улыбнулась я. – Но, во-первых, господин посланник должен был обращаться с этим к государыне-императрице, которую я чту пуще родной матушки, а во-вторых...

– Да, ваше высочество?

– А во-вторых, нет у меня такого обыкновения, чтобы до начала бала одному жениху обещаться, а во время танцев – о другом задумываться.

А рядом с нами тем временем разыгрывалось презабавнейшее действие.

– Да как вы могли осмелиться?! – бушевала Анна Иоанновна. – За нашей спиной племяннице нашей, девице непорочной, какие-то препозиции делать! Да в крепости за такое сгноить мало!

– Ваше императорское величество, – защищался побледневший Линар, – я виноват, допустил оплошность. Но грустное происшествие с другой вашей племянницей...

Я покачала головой. Ничего глупее в свое оправдание саксонец просто не мог придумать. Тётушка аж задохнулась от гнева и стала совсем пунцовой.

– Запрещаю упоминать об этой негоднице! Слышать о ней больше не желаю, завтра же прикажу в монастырь постричь!

– Но... может быть брак с маркграфом...

Я не сдержалась и хихикнула. Тётушка, к счастью, этого не расслышала. Но вот герцог Бирон посмотрел на меня с некоторым недоумением. Нужно было срочно что-то предпринимать, иначе он ночью такое императрице про меня нашепчет...

– Тетушка, – ангельским голосом пропела я, – конечно, это не моего ума дело, но мне кажется, господин посланник просто не знает наших обычаев. А ежели он приехал за невестой для своего господина... так ведь есть в близком нам семействе девица на выданье знатного рода. Как раз под пару маркграфу.

– Это еще кто? – набычилась Анна Иоанновна, предпочитавшая все брачные союзы своих родственников и подданных создавать исключительно самостоятельно.

– Принцесса Гедвига Бирон, – обронила я.

Наступила мертвая тишина. Такого поворота событий никто даже и не предполагал. Да и мне он пришел в голову внезапно – эдакое озарение свыше.

Третий ребенок герцогской четы, Гедвига была бы даже хорошенькой, если бы не... горб, унаследованный скорее всего от матери. Да и юна она была еще: одиннадцатый годок пошел. Но из хорошей семьи (а кто сомневался – давно уже находился в ссылке) и протестантского вероисповедания. С приданным проблем также не предвиделось: милостями своей любовницы-императрицы Бирон был сказочно богат, а сыновьям его уже были сосваты невесты-миллионерши. Опять же – с моей подсказки.

Императрица в некоторой растерянности посмотрела на своего фаворита. Тот же, быстро прикинув все выгоды этого гипотетического союза, уже ласково улыбался саксонскому посланнику, находившемуся в состоянии некой прострации. Отвергнуть предложенную кандидатуру? Невозможно: будет оскорблен герцог, а значит – государыня-императрица. Согласиться? Тоже невозможно: вместо красавицы-принцессы царской крови (хотя и подпорченной в варианте с Елизаветой) предложить маркграфу брак с дочерью вчерашнего конюшего?

И ведь он еще явно не знал о физических особенностях принцессы Гедвиги!

– Мы не возражаем, – наконец изрекла императрица. – Пусть высокородный маркграф присылает официальных сватов.

– Но ваше императорское величество! – взмолился Линар. – Я должен хотя бы показать господину маркграфу портрет невесты! Так принято при европейских дворах.

– Прекрасно, – совсем успокоилась императрица. – Пусть завтра же начнут писать портрет невесты. Через неделю сможешь отвезти его жениху, пусть любит. А ты распорядись, герцог, чтобы не мешкали там и не умытничали, парсуна нужна быстро. Да еще приданое обозначить не забудь. Чай, полмиллиона золотом на дороге не валяются.

Бедняжка Линар отвесил один за другим несколько изысканных поклонов и, пятясь, сошел с возвышения, а потом и вовсе покинул парадную залу. Теперь ему было уж точно не до танцев и не до флирта. Я поискала взглядом Наталью Лопухину, обнаружила ее флиртующей в уголке с другом сердечным Левенвольде, и взглядом же дала понять, чтобы свои амуры пока оставила и за Линаром проследила. Красотка слегка скривилась, но выскользнула из залы вслед за посланником, никем не замеченная.

– Ну, Аннушка, и чем тебя сей кавалер соблазнял? – уже с улыбкой осведомилась императрица, осушая очередной бокал венгерского. – Не захотела ты, стало быть, маркграфиней Бранденбургской быть?

– Не захотела, тетушка, – покладисто согласилась я. – У нас на Руси такими маркграфами дороги мостят. Титл высокий, да, кроме звона, ничего и нету.

– Мосты мостят! – расхохоталась императрица. – Ну, сильна, девка! Маркграфами кидаешься.

– Было бы чем кидаться! – фыркнула я. – Я чаю, у князя Владимира вотчины поболее будут, нежели маркграфство Бранденбургское. Да и богаче Салтыковы...

– Только милостями государыни-императрицы, – очень кстати ввернул мой жених.

– Да уж не прибудняйся, граф. Салтыковы – род древний, на Руси почитаемый, с царями не раз роднились. Матушка моя, царица Прасковья Федоровна, упокой господи ее душеньку светлую...

Все перекрестились. Тихий ангел пролетел.

– А дабы разговоры зловредные и искушения всякие навсегда пресечь, через три дня повелеваю назначить обручение. Аккурат перед Масленицей. А уж после Великого Поста, благословясь, и свадьбу сыграем. Ну, выпьем за здоровье нареченных! Порадовала ты меня, племянница, в меня умом пошла, не в маменьку свою, царствие ей небесное...

Комплимент, конечно, сомнительный, но спасибо и на этом.

Улучив минуту, я многозначительно взглянула на герцога, который, кажется, только и ждал какого-нибудь знака с моей стороны, потому что тут же подошел и склонился над моим креслом. Благо тетушка увлеклась обсуждением с его супругой деталей моего обручения и свадьбы, а заодно и блистательного будущего принцессы Гедвиги.

– Что угодно вашему высочеству? – осведомился герцог. – Для вас в лепешку расшибусь... так, кажется, на Руси говорят?

Хотя бы понимает, кому и чем обязан!

– Просьба у меня к вам, ваша светлость.

– Все исполню!

– Не торопитесь. Просьба непростая, кроме вас, никто с этим не справится. Великой милости хочу у императрицы просить...

– Вам она сейчас ни в чем не откажет.

– Может быть. Но уж вам-то она точно ни в чем и никогда не откажет. Потому прошу вас похлопотать... не за меня, а за других людей, которые нынче в ссылках томятся.

– Кого его высочество имеет в виду?

– Долгоруких, – просто ответила я. – Старый-то князь Алексей, смутьян главный, помер, слышала, а жена его еще раньше преставилась. Сыновей, мною, и простить можно: младшие-то вообще несмышленные.

– Но князь Иван желал на трон российский сестрицу свою возвести, княжну Екатерину, с императором Петром обрученную.

– Да не желал этого князь Иван, – слегка поморщилась я. – Оговорили его. Он сестру свою в глаза гадюкой и ехидной называл, и от дел семейных, противных благу государственному, всячески уклонялся.

– Я поговорю с государыней, – вздохнул герцог. – Возможно она, по своему природному милосердию...

– Вот и я на то же уповаю, – кивнула я.

Праздник постепенно подходил к концу, но я ждала еще двух известий. Во-первых, о состоянии здоровья дражайшей кузины, и во-вторых, об успехе (или неуспехе) той миссии, которой я почтила Наташку Лопухину. Правда, и то, и другое я могла узнать, скорее всего, уже только глубокой ночью. Ну так к бессонным бдениям мне не привыкать.

И действительно, когда я была уже в своих покоях, освобожденная от корсета, фижм, локонов и всяких дорогих побрякушек, в дверь осторожно поскреблись. Я велела камеристке открыть, а самой ей считать себя свободной.

Вид у Натальи Лопухиной был свежайший – точно проспала безмятежно десять часов, да еще росою майской умылась. Хотя по некоторым мелочам можно было определить, что последние часы она провела довольно бурно и явно не без удовольствия.

– Ну, что нужно этому красавчику? – с порога осведомилась я.

– Всего-навсего благосклонности вашего высочества, – позволила себе улыбнуться Наталья.

– И сколько он тебе за это заплатил?

– Ваше высочество! Как вы могли подумать?...

– Могла и подумала. Так сколько?

– Тысячу червонцев, – потупилась Наталья. – А ежели дело успешно слажу – драгоценный аграф и четырех породистых лошадей.

– Придется денежки вернуть, – сообщила я новоявленной сутенерше.

– Это еще почему?! – взвилась она. – Червонцы мне дали за то, что я попытаюсь уговорить ваше высочество...

– На что уговорить? – ледяным тоном осведомилась я.

– Принять господина Линара приватно. Без свидетелей.

– И желательно ночью, – вздохнула я.

Наталья в ответ только вздохнула.

– Так. К этому мы еще вернемся. А сейчас я хочу знать, как здоровье моей кузины. То есть хорошо ли ты обо всем позаботилась.

– Ваше высочество! – оскорбилась Наталья. – Когда за дело берусь я... если принцесса Елизавета доживет до вечера, я сама готова принять постриг.

– Ты не православная, – отмахнулась я. – Так что вместо монастыря я лучше тебя от любовника отрешу. Сошлю твоего Левенвольде куда-нибудь подальше, да посевнее, куда ворон костей не заносит...

– Ваше высочество, нет! – ахнула, побелев, Наталья. – Не губите!

– От тебя зависит. Кстати, вполне возможно, что и аграф ты свой получишь, и новую упряжку в карету. Только пока я еще не знаю, от кого.

– Но вы же не согласитесь принять этого саксонца наедине?

При произнесенном слове «наедине» медовые глаза Лопухиной заволкло дымкой недавних сладких ощущений.

– Я подумаю. А пока узнай, что с кузиной. Только...

– Все будет тайно, ваше высочество. Я мигом.

И повеселевшая Наталья змейкой выскользнула из моих покоев. А я вдруг почувствовала, как сердце сжала ледяная рука страха. Во что я ввязываюсь? Тут ведь человеческая жизнь гроша ломаного не стоит: будь ты хоть холопка, хоть императрица, яд на всех дей-

ствует одинаково. Кто поручится, что моя жизнь в дальнейшем будет в безопасности? А если Елизавета выживет, тётушка точно пострижет ее в монахини, а я буду до конца своих дней дрожать, как бы кто-нибудь ее из монастыря на престол не выпихнул...

Чисто инстинктивно я рухнула на колени перед киотом и забормотала все молитвы подряд, какие только приходили... даже не на ум, на язык. Господи, помоги, Пречистая Дева, смилуйся, святой угодник, чудотворец-Николай, помоги мне молитвами своими...

Лопухина появилась в моих покоях так же бесшумно, как и исчезала. Спокойная, сдержанная с абсолютно непроницаемым лицом. Я тоже молчала: задать прямой вопрос значило выдать свою заинтересованность и зависимость от этой придворной красотки-шлюхи.

– Ваше высочество, – не выдержала все-таки Наташка, – принцесса Елизавета Петровна преставилась десять минут тому назад. Не приходя в сознание.

И тут я... заплакала, совершенно неожиданно для себя самой. Были ли то слезы облегчения, скорби, жалости к погубленной мной женщине? Не знаю. Но рыдала я абсолютно искренне, оплакивая первую пролившуюся из-за меня кровь. Да, у меня была целая куча оправданий – даже со ссылками на исторические источники, которые, правда, теперь уже вряд ли будут написаны. Все равно я плакала, как маленькая девочка, какую, собственно, здесь и была, хоть и собиралась замуж.

Впрочем, плакала я уже последними слезами.

Как позже выяснилось.

Глава пятая. Дела государственные и не только

Я знала, что тетушка поднимается даже раньше первых петухов, поэтому, отплакавшись, приказала камеристке привести меня в порядок и отправилась в покои к императрице. Мысль о том, что там, скорее всего, будет еще и герцог Бирон, меня мало смущала, скорее, наоборот. Сейчас тётушкин любовник был нужен мне, как самый надежный союзник. Да и он во мне нуждался, если уж совсем честно.

Я отмахнулась от дежурившего у двери арапа, как от мухи. Да он и не посмел меня задержать. Посему в жарко натопленной опочивальне государыни-императрицы я застала идиллическую картину: герцог еще нежился в постели, а тётушка прихорашивалась перед огромным раззолоченным трюмо, на котором стояло немереное количество золотых коробочек и хрустальных флаконов с золотыми пробками. Даже глазам было больно.

Императрица гневно обернулась на скрип открывавшейся двери, но взгляд ее тут же подобрел:

– Ты что, Аннушка? Почто не почиваешь?

– Тётушка, кузина Елизавета преставилась, – дрожащим голосом сообщила я. – Без покаяния отошла, прости, господи, душу ее грешную.

– И ты из-за этого ревешь? – поразилась императрица. – Ну, померла Лизка, царствие ей небесное. Доблудилась, шлюхино отродье...

– Анхен, Анхен, – подал голос герцог, – о покойнице-то не стоит так говорить.

– И то правда, – легко согласилась тётушка. – Сейчас же прикажу убрать ее, как подобает, отпеть и похоронить.

– Значит, траур при дворе на два месяца будет? – осведомилась я. – Обручение мое откладывается?

– Ах, вот почему ты плачешь! – всплеснула руками императрица. – Вот дурочка-то, ну, право, дурочка! Из-за Лизки твой праздник откладывать? Еще чего! Послезавтра погребут, как положено, а на следующий день и обручение отпразднуем. Бог простит, за Великий Пост отмолим грех сей...

В этот момент в двери просунулся арап:

– К ваше величество генерал просят...

– Ушаков! – мигом смекнула Анна Иоанновна. – Пусть заходит немедленно.

Великий инквизитор, похоже, в эту ночь и вовсе не ложился. Впрочем, такая у него была работа – ненормированная. И он, похоже, находил в ней своеобразное удовольствие.

– Все разузнал я, матушка-государыня, – с низким поклоном начал он. – Никто и не запирался особо, так, чуток поупрямились, пока в застенки не попали...

– Ну, не томи, Андрей Иванович, – взмолилась императрица.

– Так что затяжелела Елизавета Петровна от Алёшки Разумовского, который был певчим в вашего императорского величества церкви...

– И как же он из церкви в постель к этой... угодил?

– А выпросила его цесаревна себе в челядь. Плакалась графу Левенвольду, что у нее единое утешение остается: церковное пение послушать. Тот и дозволил...

– Выгоню я графа! – тут же завелась императрица. – Пушай едет в Европу. Ишь, моду взял: моими певчими распорядиться!

– Анхен... – раздалось со стороны кровати.

– Ладно, не выгоню, но пока пусть нам на глаза не показывается. Говори далее, Андрей Иванович.

– Так вот от сего Алёшки цесаревна и понесла. Но рожать на сей раз не захотела, решила ребеночка скинуть.

– Ишь, греховодница! – искренне возмутилась императрица, начисто забыв про подобные же привычки своей покойной сестрицы, моей маменьки. – Родила бы тихонько...

– Вот тут-то, матушка, и подвох. Цесаревне кто-то твердую надежду внушил, что здоровье вашего императорского величества совсем плохое стало. А государыня-цесаревна, Анна Алексеевна, за своего подданного замуж собирается, посему некие персоны ее на престоле видеть не желали, а хотели на него возвести последнюю дочь Петрову.

– Кто? – коротко осведомилась императрица. – Опять Долгорукие и Голицыными воду мутят?

– Нет, матушка, не они. Долгоруких ты давно по ссылкам да острогам распихала, а Голицыны тихо сидят, только вспоминают, что государыня-правительница Софья особо относилась к их предку, князю Василию, который ума был острого, государственного, и много пользы России принес. Жалели, что не из их рода супруга государыне-цесаревне избрали.

– Ништо им, – хмыкнула императрица. – Салтыковы, я чай, не глупее будут. Так кто смуту затеял, и зловредные слухи о моем здоровье распускал?

Ушаков достал из-за обшлага сложенный вчетверо лист бумаги.

– Вот тут обозначены те, про кого на сей момент выведать удалось. Людишки мелкие, худородные, тобой, матушка, никак не замеченные. А возмечтали на великие верха взойти... вслед за шлейфом Елизаветы Петровны. Денежки же на пьянство, дабы легче было к себе людей пустоголовых привлекать, получали они от саксонского посланника, который самолично в Москву явился, дабы заговором сподручнее руководить было. И стоит за всем этим король прусский, которому многие немцы при дворе твоём, матушка, уж не гневайся, холопские письма пишут с убеждениями в верности.

– Да Лизка вроде бы немцев не жаловала... – с сомнением в голосе произнесла императрица.

– Жаловала – не жаловала, а денежки всегда нужны были. Может, и не на злоумышление, а на вино да любовников...

– И этот посланник еще дерзнул самолично на мои именины явиться! – вдруг осенило тётушку. – Арестуй его, Андрей Иванович сей же момент, пушай твои мастера дел заплечных всю правду из него до капелюшечки выбьют!

– Анхен! – снова раздался голос из кровати.

– Ну, что еще?!

– Так ведь сей посланник должен своему господину нашу брачную препозицию отвезти... о дочери моей.

– Это правда, – сникла Анна Иоанновна. – Нельзя его, бесстыдника эдакого, в железа заковать сейчас.

– А вы его потом успеете заковать, тётушка, – вмешалась я, решив, что сейчас как раз самое время. – Вот договоритесь о браке принцессы Гедивиги с маркграфом, родственником короля прусского, так сей посланник опять в Санкт-Петербург вернется – новые интриги плести. Вот тут Андрей Иванович его и поспрашивает... ласково.

– А ежели не вернется? – усомнилась императрица.

– Так куда же он денется, матушка? – неподдельно удивился Ушаков. – Сей дипломат не ведаёт, что козни его раскрыты, а сообщников цесаревны Елизаветы, упокой, Господи ее душу, твое императорское величество покарает за содействие в блуде неслыханном и детоубийство...

– Алёшку Разумовского не трогайте, – попросила я. – Парень сей глуп зело, да голос у него – необыкновенный. Я тоже люблю церковное пение послушать, тётенька, хотя бы на свадьбе моей.

– Да забирай ты этого Алёшку, – отмахнулась от меня императрица.

– Да мне лично он не нужен. Пушай опять в вашем церковном хоре поет. Я вот о другом хотела вас просить, тётенька... К обручению моему и к свадьбе....

– Каких-нибудь заморских диковин захотелось? – усмехнулась Анна Иоанновна. – Тебе сейчас отказа ни в чем не будет, только попроси.

Я несколько театрально опустила на колени и произнесла тщательно подготовленный текст:

– Прошу, государыня, по великой вашей матерней милости, простить сосланных в Березов князя Долгорукого со супругой и детками. Иного подарка к обручению мне не надобно.

– Ты в своем уме? – поразились императрица. – Только-только один заговор раскрыли, а ты мне других смутьянов подсовываешь...

– Анхен, – пришел мне на помощь герцог, – ты же мне обещала подумать... Молодой Долгорукий не опасен, наоборот, может престолу пользу принести.

– Это вряд ли, – сообщила я, поднимаясь с колен. – Пользы от него никакой не ожидаю, не умен и к пьянству склонен. А вот супруга его, Наталья Борисовна, урожденная Шереметьева, мне бы в статс-дамы более подошла, нежели Наталья Лопухина. Хотя, и эта тоже может пригодиться.

– Что же мне, всех Долгоруких за их измену прощать? Так вы мне с герцогом советуете? Ровно сговорились...

– Зачем же всех? – терпеливо принялась втолковывать я тётушке. – Василий Лукич, дипломат и хитрец отменный, мне не надобен, пусть себе в Соловках в темнице и дальше сидит. Княжну Долгорукую, Катерину, надобно замуж за простолюдина спихнуть, да от столиц подальше держать: горда слишком, да и глупа к тому же. Сестер ее младших – в монастыри постричь, хватит на ваши, государыня, деньги дармоедок содержать. А братцев меньших – в армию, рядовыми.

– Так я не пойму: тебе Долгоруких жалко или нужна только княгиня Наталья? – постепенно стала сдавать позиции тётушка.

– Нужна, – согласилась я. – Княгиня женщина – ума светлого, души высокой, мне такие надобны. Но без супруга она из Берёзова не уедет, точно знаю. Пушай ее муженек в Петербурге вместе со Степаном Лопухиным пьянствует.

– Ну, быть по-твоему, – сдалась императрица. – Прикажу Наташку с супругом и детьми из острога выпустить и в столицу доставить, тебе в утешение. Да и герцог, вон, о том же просит, только не пойму, зачем.

– Затем, тётушка, что его светлость любит ваше величество и желает, чтобы подле вас были верные и честные русские люди. Андрей Иванович, конечно, человек бесценный, так ведь не может же он один на страже вашего покоя бдеть.

Ушаков поблагодарил меня взглядом. Хотя он и любил свою страшную работу, но годы сказывались: уставать начал Великий инквизитор. Покоя иногда хотел, а не крови да мучений человеческих.

– Ну, быть по сему! – хлопнула в ладоши императрица. – Ты, Аннушка, к себе ступай, тебе к обручению готовиться надлежит. А мы тут с герцогом о делах государственных подумаем. Елизавету похороним – дальше жить надобно, к твоей свадьбе готовиться.

Я послушно удалилась. Но вовсе не для того, что примерять новые платья и любоваться драгоценными побрякушками. У меня были дела поважнее, о которых тётушке знать было совершенно не обязательно. Тем более, что Ушаков, с которым мы успели обменяться взглядами, неприметно последовал за мной. Я не опасалась тётушкиных шпионов: не было таких смельчаков на Руси, чтобы шпионить за Андреем Ивановичем.

– Что выяснил, Андрей Иванович? – осведомилась я, когда мы покойно уселись в моей гостиной. – Так ли уж опасен был заговор?

– Это с какой стороны посмотреть, государыня-цесаревна, – усмехнулся краем губ Великий Инквизитор. – Ежели всерьез принимать то, что пьяные преображенцы мололи, тогда, конечно, престол в великой опасности находится. Только ведь и Елизавета Петровна прекрасно понимала, что императрицу ей даже с преображенцами не сшибить. Уповала на слухи о тяжкой болезни вашей тетушки и на то, что после ее смерти скорой беспрепятственно корону императорскую наденет. Аки дочь Петрова законная.

– Интересно, чем это я преображенцам не угодила?

– Так ведь, государыня-царевна, они с чужого голоса орали, что ты осупружишься с немцем и будет вся Россия под немецкую дудку плясать. Народишко-то простой поумнее их будет, чтит тебя, как православную цесаревну, кроткую и милостивую. А со вчерашнего дня молится не только за тебя, но за жениха твоего, русского, православного, своего...

– Патриарх позаботился? – усмехнулась я.

– Вестимо, он. Ты же его на такие верха возвела, что он перед тобою в долгу неоплатном. А Феофан ни зла, ни добра не забывает. Пока он жив, можешь спать спокойно: православные за тебя живота своего не пожалеют...

– Понятно. А вот с преображенцами нужно что-то решать. Возомнили себя преторианцами, решили, что они Анну Иоанновну на трон возвели, а теперь и следующую монархиню по своему вкусу избирать будут.

– Истинная правда, государыня-цесаревна.

– Так вот что, Андрей Иванович. Надобно приказ отдать Миниху и Румянцеву, фельдмаршалам нашим, дабы Преображенский полк обновить весь, до единого человечка. Нынешних – по другим полкам рассовать, да от столицы подальше, а в полк набрать самых верных со всей России. Государыня-императрица у нас – полковник Преображенского полка, подполковником я попрошу своего будущего супруга определить, а уж он сам по своему разумению дельных офицеров наберет. И станет Преображенский полк лейб-гвардейским, императорской фамилии беззаветно преданным...

– Мудра ты, государыня-цесаревна, – сделал мне комплимент Ушаков. – Хоть и юна, а ума в тебе поболее будет, чем в некоторых персонах зрелых. Сказывают, такую царевна Софья была, которая семь лет Россией правила до Петра Алексеевича, царствие ему небесное.

– Не преувеличивай, Андрей Иванович, – отмахнулась я, хотя и порозовела явно от удовольствия. – Где Софья и где я? Ты мне лучше о Лестоке скажи.

– А что Лесток? Сидит пока за крепким караулом. До большого дела, как ты повелеть соизволила, его не доводили, а на допросе сознался, что помогал Елизавете Петровне от плода освободиться, в чем смиренно кается. Что с ним дальше прикажешь делать?

– Ко мне доставить тайно, – ответила я. – Пока тайно. Я его сама поспрашиваю, и ежели он все правильно сделал, то будет моим лейб-медиком, но... под твоим оком неусыпным. Думаю, так я в безопасности окажусь, а врач он отменный, мне еще пригодится... после свадьбы.

– Да, за свою жизнь опасаясь, он твою пуше глаза беречь будет, верно.

– Ты мне вот еще что скажи, Андрей Иванович. Ведомо мне сделалось, что саксонский посланник, Морис Линар, желает тайно со мной встретиться. Вот не пойму никак, зачем ему сие? После смерти Елизаветы-то?

– Ты только не гневайся, государыня-цесаревна, но мнится мне, что сей посланник желает твое высочество чести лишить и стать галантом у наследницы престола российского. Примеров тому в нашей истории ох как много...

Ну уж про историю-то я побольше господина Ушакова знала. Но теперь картинка сложилась окончательно: не выгорело с заговором и с обольщением кузины, царствие ей небес-

ное, бедняжке, так надобно попробовать запасной вариант: такой, какой успешно воплотил в жизнь герцог Бирон.

Фаворит императрицы – не супруг законный, да и от супруга в случае чего избавиться можно... читали, знаем. Не свались я в это конкретное время, именно так все и произошло бы: красавчик Линар стал бы любовником юной принцессы Мекленбургской и вертел бы ею, как куклой, тем паче, что с мозгами у девушки было не очень хорошо.

Значит, нужно господину Линару хороший урок преподать. Я бы его немедленно в крепость определила, да сначала нужно, чтобы он брачное предложение маркграфу бранденбургскому передал. Стало быть, пусть Ушаков его слегка попугает... и отпустит, а там видно будет. Хватит наглости вернуться в Россию – будет на себя самого жалобы писать.

– Вот что, Андрей Иванович. Лестока отпусти и ко мне пришли, мы тут с ним потолкуем. А Линара я, пожалуй, приму тайно...

При всей выдержке, Ушаков не мог сдержать изумления.

– Но государыня-цесаревна!

– С твоим присутствием в соседней комнате, – хладнокровно закончила я. – После того, как мы с ним побеседуем, заberi его для внушения отеческого, и пусть едет обратно в свой Бранденбург или куда там еще. Надеюсь, с такими рекомендательными письмами из России, после получения которых его хозяева свою политику немного подправят... к российской выгоде.

Успокоенный Ушаков удалился, а я приказала подать мне кофе, да покрепче и побольше. День только-только начался, а продолжение его обещало быть не менее насыщенным, чем начало. Но утро можно сказать удалось: я единым махом устроила судьбы Катки Долгорукой и княгини Натали Борисовны. Первая окончит свои дни женою флотского лейтенанта на Камчатке, вторая, по моему замыслу, должна будет стать мне надежной опорой в дальнейшей жизни. Если, конечно, то, что я о ней читала, хотя бы наполовину соответствует действительности.

Самая завидная невеста России во времена мальчишки-императора Петра Второго, Наталья Шереметьева в шестнадцатилетнем возрасте была обручена с императорским фаворитом, князем Иваном Долгоруким, прославившимся на Москве безудержными кутежами и распутством. Что заставило девочку-графиню, до тех пор ведущую жизнь отшельницы в окружении книг, принять предложение князя – загадка. Проще всего было подумать, что ее прельстило высокое положение жениха, возможность сыграть свадьбу в один день с императором и прочие мирские блага. Но...

Но император скоропостижно скончался от оспы, так и не дойдя до алтаря, Долгоруких достаточно быстро сослали в глухой сибирский Берёзов, да не просто на поселение, а практически в острог, лишив и богатства, и почестей. Наталье родственники сто раз предлагали расторгнуть помолвку со впавшим в ничтожество фаворитом – она стояла на своем: «Нет у меня такой привычки, чтобы сегодня любить одного, а завтра другого».

Я лично подозревала, что причиной такого упрямства была обыкновенная гордыня: не желала Наталья Борисовна походить на остальных барышень, в открытую объявляла себя «высокоумной». Ну и хлебнула полной чашей лиха: родня мужа ее не признавала и шпыняла, сам супруг, добравшись до Берёзова, беспробудно запил, а наша высокоумная княгиня, постоянно беременная, тянула все хозяйство, как простая деревенская баба. Причем тянула безропотно и считала себя обязанной любить пьяницу и гуляку мужа самой нежной и преданной любовью.

А потом, вернувшись из ссылки уже вдовой с двумя маленькими детьми, и слышать не хотела о повторном замужестве, хотя получала самые заманчивые предложения. Короче, мне было просто по-человечески интересно узнать поближе этот феномен, а заодно – исправить вопиющую историческую несправедливость по отношению к более чем добропорядочной

женщине. Что такое жизнь с алкоголиком, я знала по своей прежней (или будущей?) жизни: меня хватило максимум на месяц и, разумеется, ни о каких детях и речи не заходило.

Вот и будут у меня в штате две статс-дамы, два ангела хранителя – белый и черный, Наталья Лопухина и Наталья Долгорукая. Одна – прожженная шлюха и интриганка, вторая – воплощение всех христианских женских добродетелей. Очень интересный дуэт может получиться.

Ушаков держал свое обещание и прислал Лестока. Выглядел доктор неважно – ночь в застенках инквизиции никого еще не красила, но держался бодро. Все-таки француз: всегда надеется на лучшее, особенно если имеет дело с женщинами.

– Я жду подробных объяснений, господин Лесток, – пригласив его за стол на чашку кофе, объявила я. – Что вызвало выкидыш у моей кузины, упокой Господи ее душу, и почему она скончалась?

– Принцесса Елизавета, – невозмутимо начал Лесток, с видимым удовольствием отпивая кофе, – не пожелала, несмотря на мои уговоры, сохранить беременность еще несколько месяцев и затем вызвать преждевременные роды. Мне пришлось дать ей некое снадобье...

– И?

– По-видимому, ее высочество не соизволило прислушаться к моим советам провести не менее двух недель в постели... в одиночестве. Я полагаю, внутренние органы интимные не выдержали напряжения.

– Кровотечение никак нельзя было остановить?

– Случай был очень похож на тот, который произошел с княжной Кантемир лет десять тому назад. Но тогда ребенка стремились всеми силами сохранить, об избавлении от него и речи не было. Правда, мать удалось спасти. Мне представляется, что принцесса пила еще какие-то снадобья без моего ведома.

– И ее отравили? – задала я вопрос в лоб.

– Ваше высочество осведомлены лучше, чем я думал, – со скрытой усмешкой отозвался Лесток. – Да, полагаю, кто-то подмешал сильнодействующее средство в микстуры.

– Вы кого-то подозреваете?

Лесток пожал плечами.

– Разумеется, нет, ваше высочество. И готов понести заслуженное наказание за то, что недоглядел за своей высокой пациенткой.

– Наказание... – вздохнула я. – Наказание, господин Лесток будет суровым. Мне бы хотелось сделать вас своим личным врачом. Но! Работать будете по принципу, разработанному императорами Китая...

– Китая? – растерялся и потерял на минуту свою хваленую выдержку Лесток.

– Да. Там не только порох и фарфор изобрели, там еще много чего полезного придумали, я читала. Так вот: в Китае докторам платят – и щедро платят! – пока их пациент здоров. Если же со здоровьем пациента что-то случается...

– Я понял, ваше высочество, – склонил голову Лесток. – Решение мудрое и справедливое. Недаром, говорят, медику, который княжну Кантемир пользовал, пришлось бежать из России и укрыться в каком-то греческом монастыре.

– Вот именно. Но из-под надзора господина Ушакова убежать будет непросто. Да и я – не княжна Кантемир, а наследница престола российского и родная племянница императрицы, дай ей Бог долгих лет жизни.

Лесток отвесил мне несколько низких поклонов и ретировался – от греха подальше. А я осталась сидеть, воскрешая в памяти то, что мне было известно о Марии Кантемир – последней страсти императора Петра Первого, чуть было не ставшей законной императрицей и матерью наследника престола.

Почти двадцать лет тому назад, когда я еще только начинала ходить и говорить в герцогстве Мекленбургском, в России между почти пятидесятилетним императором Петром Алексеевичем и двадцатилетней молдавской княжной Марией Кантемир вспыхнул роман: мгновенный, бурный, трагический. Княжна, уже беременная от своего августейшего любовника, сопровождала императора в Персидский поход. По возвращении Петр Алексеевич намеревался развестись с Екатериной и жениться на Марии: и врачи, и астрологи единогласно пророчили рождение сына.

За два года до этого в тюрьме при таинственных обстоятельствах скончался сын императора от первого брака Алексей, а вскоре после этого в младенчестве скончался последний рожденный Екатериной отпрыск. Планы императора были настолько серьезны, что император австрийский заранее пожаловал отцу Марии, князю Дмитрию Кантемиру, бывшему молдавскому господарю, титул князя Римской империи. Теперь Мария становилась достойной во всех отношениях кандидатурой на место российской императрицы.

Но... Екатерине все это, мягко говоря, не нравилось. И вот, подкупив личного врача княжны, она добивается того, что нерожденный младенец погиб в утробе матери, а сама Мария выжила лишь чудом. Только горе Петра Алексеевича помешало проведению тщательного расследования этого прискорбного события, а затем он скоропостижно скончался. Мария добровольно затворилась от света в подмосковном имении Кантемирово.

Там, судя по всему, и проживает доселе. А ведь у нее, насколько мне помнится, был брат – когда-то знаменитый поэт Антиох Кантемир. Точно, тётушка его обладала, а потом отправила дипломатом в Европу, то ли в Лондон, то ли в Париж. А сестрица... сестрицу надобно ко двору приблизить и моей статс-дамой сделать. Замечательное получится трио: две умницы и одна интриганка. С такими «кадрами» ни в какой ситуации не пропадешь.

А на сегодня у меня еще запланирована встреча с красавчиком-Линаром... Нужно дать знать Ушакову, когда сей кавалер в моих покоях нарисует, а перед этим проинструктировать Наталью Лопухину, чтобы все было четко, аккуратно и совершенно секретно. Она будет считать, что держит меня в руках, владея такой тайной. А я при случае смогу ее приструнить, если слишком уж зарвется в своих интригах.

Наталья явилась часа через два после того, как я приказала ее отыскать. Невыспавшаяся, запыхавшаяся и, по-моему, все еще в том же самом туалете, в котором была накануне на празднике. Неужто снова с Линаром кувыркала и до дому так и не доехала? Или все-таки к своему постоянному галанту – Левенвольде закатилась?

– Ну, и где тебя носит? – недовольно осведомилась я. – Полдня тебя ждать прикажешь?

– Да я только на минутку всего и отлучилась, ваше высочество, – пряча блудливые глаза, сообщила Наталья. – Робу парадную сменить хотела...

– Что ж не сменила?

– Так ваше высочество меня к себе призвать изволили.

Востра, ничего не скажешь!

– Значит, получай с посланника свой аграф и лошадей. До того, как я с ним увижусь. После ему не до тебя будет.

– Да куда он денется! – фыркнула было Наташка, но осеклась под моим ледяным взглядом.

– Твое дело. Ко мне господина Линара приведешь ровно в полночь. Тайно. Чтобы ни единая душа, а паче всего – Ушаков об этом не проведала. Уяснила?

– Да, ваше высочество... А ежели императрица проведает?

– Твое дело, чтобы не проведала. И имей в виду: застанет нас кто, скажу, что это ты своего полюбовника на свидание вызвала в мои апартаменты. Тебя государыня простит, она к тебе милостива...

– А ваше высочество?

– А моему высочеству нужно немного отдохнуть. Завтра – похороны, послезавтра – обручение. Поспать некогда. Ступай пока, да все подготовь к вечеру.

Наталья сделала реверанс и испарилась. А я прилегла на кушетку – не спать, конечно, какой тут сон! а поразмыслить над тем, как грамотно построить полночное свидание.

Ушаков с помощником – абсолютно неприметной личностью – прибыл за полчаса до полуночи и с комфортом расположился в моей опочивальне. Я осталась в будуаре – небольшой такой комнатке, размером со средний спортзал в моем будущем времени, до отказа забитой кушетками, козетками, креслами, пуфиками и разнообразными столиками. У меня все руки не доходили придать своим апартаментам более пристойный вид.

Без пяти минут двенадцать в этот будар проскользнула Наталья Лопухина, щики которой так и пылали от возбуждения. А может быть, и от страха: все-таки она ввязывалась в достаточно опасную авантюру.

– Ваше высочество, – шепнула она, – он здесь.

– Вас никто не видел? – для порядка осведомилась я.

– Я уснула все камеристок и горничных, – гордо сообщила Наталья. – Прикажете просить?

– Проси.

И в помещении возник Морис Линар собственной персоной – неотразимой для всех европейских дам, вне зависимости от их семейного статуса и положения. Увы, он по-прежнему напоминал мне Леонардо ди Каприо, а следовательно, никак не мог вызвать у меня даже легкого восхищения.

– Вы настаивали на личной встрече, господин посланник, – как можно более величественно произнесла я. – Мы одни, говорите, я вас слушаю.

После небольшой, тщательно рассчитанной паузы господин Линар картинно пал к моим ногам, так, что я невольно поджала их под кресло.

– Ваше высочество! Вы можете приказать казнить меня, но я ничего не могу поделать с тем чувством, которое вы мне внушили. Я люблю вас, я вас обожаю...

– И что дальше? – предельно равнодушно спросила я.

– Я мечтаю заслужить ваше доверие... Обычно я говорю женщинам: «Ты – моя». Вы первая в моей жизни, которой я говорю: «Я ваш»...

– Очень лестно. И что мне с вами делать? Штат прислуги у меня, увы, укомплектован.

– Ваше высочество, вы смеетесь над моими чувствами?!

– И не думала. Я просто не понимаю, как вы могли набраться наглости для своей позиции. Через несколько дней состоится мое обручение, я – наследница российского престола, а вы, кажется, возмечтали стать моим галантом?

– Я пекусь только о вашем счастье, божественная принцесса! Примите предложение маркграфа Бранденбургского, станьте родственницей прусского короля – и вы будете владеть не только в России...

– У меня уже есть жених, как вам доподлинно известно. А любовники мне ни к чему: ни сейчас, ни в будущем. Возвращайтесь к тому, кто вас послал, и займитесь устройством брака маркграфа с принцессой Бирон...

– Моему господину не нужна горбатая дочь выскочки.

– Сообщите об этом его светлости герцогу Бирону, – ледяным тоном ответила я. – А меня вы более не интересуете. Ступайте, мне пора спать.

– Подумайте, ваше высочество! Если императрица узнает, что вы принимали мужчину ночью в своих покоях...

– Она узнает, – спокойно ответила я. – Андрей Иванович, покажись господину посланнику.

Увидев выходящего из моей спальни Ушакова, Линар едва не лишился чувств от страха.

– Забирай этого господина, Андрей Иванович, – приказала я. – Небось, и сам ведаешь, что с ним делать надлежит. А докладывать ее императорскому величеству о сём прискорбном событии или нет – тебе решать. Все свободны.

– У меня дипломатическая неприкосновенность! – взвизгнул Линар.

– Так и занимайтесь дипломатией, сударь мой, а в альковы к персонам высоким не лезьте, – по-отечески посоветовал ему Ушаков. – Поедем теперь ко мне, побеседуем, подорожные грамоты вам выправим...

Моего несостоявшегося любовника, едва ли не обеспамятевшего, вывели из будуара. Через пару минут явилась Наталья – бледная до синевы и дрожащая.

– А со мной что будет? – трясущимися губами спросила она.

– Зависит от твоего поведения, – утешила ее я. – Будешь мне служить верой и правдой, не пожалеешь. Предашь – на эшафоте прилюдно кнутом обдерут, язык укоротят и пошлют сибирские остроги пересчитывать.

Прекрасная Лопухина посмотрела на меня безумными глазами и без памяти рухнула на пол.

Глава шестая. О записках, травах и молитвах

Последнюю «дщерь Петрову», Елизавету, похоронили пристойно, но скромно: без пышных церковных обрядов и даже – случай беспрецедентный! – без объявления при дворе траура. Моя августейшая тетушка и слышать не хотела о том, чтобы «выблядка лифляндской портомой» почтили хоть какими-то приличными знаками скорби. Зачата в блуде, в нем родилась, жила и от последствий собственного блуда преставилась. О чем тут печалиться? Нарышкинская ветвь дома Романовых с грохотом обвалилась с родословного древа, теперь предстояло холить и лелеять вторую оставшуюся ветвь – от Милославских.

Хотя «ветвью» это можно было назвать только при большом желании и сильном напряге воображения. Анна Иоанновна была всего лишь средней дочерью номинального царя Иоанна, племянницей великого Петра, легенды о котором все еще ходили в народе, и бывшей вдовствующей герцогини Курляндской. Я же, увы, была только племянницей племянницы, да еще от папеньки-немца, сильно разбавившего чисто русскую кровь.

Возможно, конечно, я действительно была плодом связи Петра Алексеевича с моей покойной маменькой, но... озвучивать эту версию было бы чистым политическим самоубийством. Пока, во всяком случае.

Дело должно было поправить мое обручение с представителем самой что ни на есть старорусской боярской фамилии Салтыковых, против которых никто из соотечественников-аристократов ничего не имел. Салтыковы всегда держались в непосредственной близости от российских царей... но и несколько в стороне от придворной жизни, а уж политику вообще обходили по дуге за три версты.

Вот и нареченный мой, граф Владимир, показал себя отменным воином и заслуженно носил капитанский чин, но ни в какие интриги отродясь не влезал и своими родственными связями с императрицей никогда не кичился. За что и был в конечном итоге достойно вознагражден.

День нашего обручения начался, разумеется, с длинного и пышного молебна, причем первым лицом в нем был сам патриарх Феофан. Тётушка-императрица взирала на происшедшего с особого кресла: чувствовала она себя не ахти и многочасовую службу точно не выстояла бы. Зато по окончании ее с кресла изволила подняться и собственноручно передала патриарху два перстня для обручения. По моей ненавязчивой подсказке перстни были выбраны те самые, которыми обручался ныне покойный император Пётр Алексеевич сначала с Марией Меншиковой, а потом – с Екатериной Долгорукой.

Нужды нет, что оба обручения так и не привели к браку, а обе невесты последовательно оказались в Сибири: я искренне верила в то, что Бог любит троицу и уж мое-то обручение точно завершится счастливым супружеством. К тому же меня элементарно душила жаба: заказывать новые драгоценности был довольно накладно, а средства, выделенные на это дело казной, я планировала использовать совсем по-другому.

Так или иначе, кольцами мы с графом Владимиром обменялись, после чего патриарх торжественно провозгласил с амвона, что жених благоверной государыни-царевны Анны Алексеевны с этого момента становится Великим князем и этот титул будут носить его дети, родившиеся в браке с наследницей русского престола. Вдобавок к этому он был пожалован чином подполковника Преображенского полка (к этому времени преображенному до неузнаваемости, пардон за каламбур, за счет замены в нем практически всего личного состава на исключительно русский, фанатично преданный императрице и престолу).

Многочисленная салтыковская родня, набившаяся в храм, рыдала от умиления и осознания зарождающегося величия семьи. Я же пристойно пустила слезу, облобызав пухлую длань тетушки. Никаких поцелуев, даже чисто символических, со стороны жениха я не допу-

стила, заранее разъяснив всем заинтересованным лицам, что мы и так порядком испоганили древние дедовские обычаи, согласно которым жених мог лицезреть невесту только после совершения обряда венчания. Надо хотя бы под конец соблюдать приличия: чай, не Европа какая-нибудь распутная – Третий Рим, оплот духовности и нравственности.

В виде компенсации мой будущий супруг получил еще и должность Московского губернатора и главнокомандующего. Тут я строго придерживалась исторических реалий: все это Владимир Салтыков действительно обрел, но... чуть позже, после смерти Анны Иоанновны и коронации Елизаветы Петровны. Чем руководствовалась при этом ныне уже покойная Елизавета, я сказать затруднялась, никаких особых заслуг у гвардии капитана перед престолом тогда не было. Но губернатором он себя показал отменным, при нем Москва начала отстраиваться в камне и потихоньку превращаться из «большой деревни» в почти нормальный город.

Вот это меня как раз очень устраивало, ибо я планировала вернуть родному городу его прежний столичный статус – на радость патриарху и старой русской аристократии. Санкт-Петербург и так не зачахнет, все-таки крупный порт, географически крайне удачно расположенный для иноземных торговцев. Но держать столицу чуть ли не на самой границе государства, да еще терпеть ежегодные ее затопления чуть ли не по шпиль Петропавловского собора... нет уж, дудки. Гениальную ошибку Петра следовало исправить, пока эта северная Венеция еще не стала колыбелью какой-нибудь революции.

Парадный приём во дворце по поводу обручения был устроен очень скромно, опять же с моей подачи. Нас поздравили иностранные послы и самые знатные российские персоны, которые, как мне показалось, пребывали в некотором смущении. Ибо привыкли к тому, что обручаются особы царствующего дома мужского пола, которые и допускают к руке своей невесты верноподданных. Тут же все было ровно наоборот: в пору было мне брать жениха за руку и совать эту руку под поцелуй поздравлявших. Так что ограничились церемонными поклонами и поднесением ценных подарков.

Скромным прием был по двум причинам. Во-первых, предстояли немалые расходы на собственно свадьбу. Во-вторых, до меня дошли горестные жалобы моряков, которым чуть ли не десять лет не выплачивали жалование, и я теперь зудела, как муха, в ухо тётушке и ее советникам о необходимости деньги на флот дать всенепременно, хоть бы и за счет моего приданного.

Но поскольку на успешность этого зудения я не больно рассчитывала, то нашла способ довести до сведения заинтересованных лиц, что «душенька-царевна» душою за морячков теснится и готова с себя последнюю рубашку продать, лишь бы они ни в чем нужды не знали. Роль флота в будущих внешних завоеваниях России я представляла себе куда более отчетливо, чем большинство моих теперешних современников, и очень хорошо понимала, как важно заручиться еще и его поддержкой.

На этом деле я впервые лично столкнулась с Артемием Петровичем Волынским, которого доселе знала только по историческим романам, да некоторым документам петровской эпохи. И должна сказать, что разочарование было довольно сильным. Вместо харизматической личности реформатора и борца с немецким засилием в стране, а также дамского угодника и любимца, я узрела типичного хозяйственника времен моих будущих-бывших времен, получивших название «благодарно-застойных». Да, голова у него варила неплохо, но готовилось в ней одно-единственное блюдо: «Как обустроить Россию, чтобы мне при этом перепало как можно больше».

И красавцем мне Артёмий Волынский не показался – здоровенный мужик, рожа красная, как у грузчика после трудового дня, кулачищи – пудовые. Но голос – да! голос у этого пока еще не оцененного по заслугам государственного деятеля был хорош: низкий, мягкий,

вкрадчивый. У дам от такого голоса глазки сами собой в истоме закрываются, даже тётушка моя, видать, равнодушной не осталась.

Но меня обертаны и рулады волновали менее всего.

– Господин Волынский, – круто начала я, едва Артёмий Петрович переступил порог моего кабинета. – Слышала о вас много всякого, теперь вас послушать желаю. Только кумплиманты напрасно не расточайте, не люблю я сие. Говорите по делу и экстрактно: как страну из нищей в богатую превратить?

Ответа я дождалась не сразу: Волынский оторопело осматривался вокруг. В принципе, ничего удивительного – так реагировали все, впервые попавшие в эту комнату. И я их понимала, поскольку дизайн был выдержан в стиле еще не наступившего девятнадцатого века, причем ближе к его середине, а не к началу.

Ближе к середине помещения спиной к высокому балконному окну помещался письменный стол, изготовленный по моим собственноручным эскизам: красного дерева, двухтумбовый, крытый зеленым сукном. Мечта антиквара, одним словом. Все стены занимали книжные полки, а завершали обстановку круглый стол, поместительный диван и пара кресел – так называемый «уголок переговоров».

Но до этого уголка добирались немногие и далеко не с первого захода. Вот и Волынскому я предложила не слишком удобное деревянное полукресло напротив моего стола. Место для посетителей, так сказать. Более того, не дала Артемию Петровичу времени и возможности делать реверансы и произносить всякие галантные глупости. Ничего, этот быстро разберется в ситуации.

Так и оказалось: одолев первое шоковое впечатление, Волынский заговорил. Правда, не вполне по делу.

– Я, государыня-царевна, высоких постов в государстве не занимаю, поелику все они уже давно немцам отданы...

– Стоп! – хлопнула я ладонью по столу. – Про немцев своим собутыльникам будешь рассказывать. А я доподлинно знаю, что никто тебе давно уже никаких препятствий не чинит и готов к речам дельным прислушаться. Почто затаился в своих хоромы и только тайные разговоры ведешь?

– Да вот Бог свидетель, государыня-царевна, болтали разве что спьяну о всякой всячине... Оговорили тебе меня.

– Обязательно! – хмыкнула я. – Ежели что не так, тут же «оговорили». Злые люди бедной киске не дают украсть сосиски...

Я вовремя осеклась поскольку сообразила, что ирония человека двадцать первого века тут вряд ли будет иметь успех. Особенно в устах молодой девицы.

– Да не крал я ничего николи! – подтвердил мои мысли Волынский.

– Добавь: последние пять лет, и я тебе поверю, – устало вздохнула я. – Перестань меня жалобить, говори дело. Иначе к другим обращусь, а тебя из окружения государыни-императрицы отрину. Что ты там молотил про хлебопашцев и беглых холопов?

– Оговор то! – взвился было Волынский, но мне эта комедия уже прискучила.

– Вот что, Петрович. Мысли ты высказывал дельные и мне они по душе пришлись. Не вертись сейчас, аки карась на сковороде, зла я тебе не желаю, а хочу с твоей помощью державу нашу укрепить. Но если знаешь кого умнее и дельнее, чем ты, так подскажи, сделай милость. А сам ступай обратно на свои диваны персицкие.

– Я уже высказывал дельное, – угрюмо сказал Волынский. – А меня от особы императрицы отринули, как котика худого...

– То дело прошлое, – успокоила я его. – Выскажи еще раз мне, я послушаю. Только турусы на колесах не разводи, мне интересно про землепашцев.

– Так ведь, государыня-царевна, земля наша на мужике держится, мужиком кормится. А с этого самого мужика каждый норовит три шкуры содрать, да еще выпороть за то, что четвертой не имеет.

– Допустим, – кивнула я. – Ты вот со своих полутора тысяч душ еле-еле четыреста рублев в год сдираешь. Сам холопов своих за недоимки не порешишь?

– Так как же не пороть, коли...

– Понятно. Ну, а ежели, допустим, установить такой порядок: каждый крестьянский двор должен в год в казну гривенник внести. А прочие поборы вовсе отменить.

– Оскудеет казна-то... – усмехнулся Волынский.

– С чего же она оскудеет, коли сейчас с мужика ни полушки не видит, все помещики себе забирают? Ты ври, Петрович, да не завирайся. Сам говорил, что от земледельства происходит главный доход государства нашего, и что вся сила России – в мужике. Али я путаю что?

– Все верно, государыня-царевна.

– Так вот тебе мое... поручение. Для испытания способностей твоих. Сочти, сколько на Руси крестьянских дворов, кому они принадлежат, кто с них кормится, и кто сколько от казны утаивает. Осилишь дело сие? Или только языком горазд по углам молотить?

– Да как же их сочтешь-то? Это ведь надо, почитай, в каждый крупный город воинскую команду засылать, дабы силой удерживают людишек на местах удержать. Потом чиновники приедут – переписывать...

– Угу, – демонстративно зевнула я. – От твоих воинских команд народишко-то и победит, куда глаза глядят. Ищи потом ветра в поле.

– А как же иначе-то?

– А иначе – вот как. Провести ревизию всего населения – указ императорский о сем получишь, это моя забота. А затем оповестишь курьерами власти в губерниях и провинциях, дабы, без посылки воинских команд и без разведения страхов напрасных, с каждой деревни собрали в письменном виде о наличном числе жителей, реестры эти слать в канцелярии воевод, воеводы – в губернские, а губернаторы – тебе. Ты же с малым числом подручных общую калькуляцию выведешь и государыне-императрице представишь.

Волынский глядел на меня с недоумением, которое потихоньку переходило в страх. Оно и понятно: не баба даже, девка незамужняя вроде бы дельные вещи говорит, только на Руси такого еще видом не видывали, слыхом не слыхивали. До такого в известной мне истории додумалась только расчетливая и практичная немка – Екатерина свет Алексеевна, когда императрицею сделалась. Идею я стащила у нее, ныне только что родившуюся где-то в Германии. И совесть за явный плагиат меня не мучила.

– А заводские и монастырские крестьяне? – задал первый дельный вопрос Волынский.

– Заводских тем же порядком учтешь – через их начальство. А насчет монастырских я сама с патриархом потолкую, то его епархия.

– Владыко-то, говорят, занемог, – заметил Волынский.

Опаньки! И как же я запамятовала, что Феофан и впрямь не дотянул до конца царствования Анны Иоанновны, скончался, как писали в оставленном мною времени, «после тяжелой и продолжительной болезни». А вот от какой такой «тяжелой и продолжительной» – неизвестно, сие исследователям его жизни творчества было неинтересно. Эх, историки, хвостом вас по голове!

– Владыку я навещу, спасибо, что сказал, – поднялась я из-за стола. – Теперь ступай и дожидайся указа императорского, но не в пьянстве, а в трудах: готовь грамоты, людей надежных, грамотных людей для подсчета крестьян российских. Иди работай, Петрович. И остальные свои соображения представь мне письменно и экстрактно через неделю. Никакие немцы тебе мешать не будут – нету уже тех немцев, а с герцогом Бироном, я чаю, поладите.

– Государыня-царевна, я хотел еще о финансах сказать...

– А вот это уже не твоя забота. И без тебя будет кому финансами заняться. Ты уже пробовал...

Насмешки в моем голосе мог не услышать только совершенно глухой. Да я еще демонстративно перевела взгляд с Волынского в угол кабинета, где приказала поставить знаменитую трость Петра Великого, «ужасную мебель», как величали ее современники. Стояла она там в назидание: Петра Алексеевича Бог прибрал, а дубина его на месте осталась.

Волынский проследил направление моего взгляда и слегка побледнел. Он-то эту «мебель» на собственном хребте в свое время испытал.

– Думаешь, не осилю? – усмехнулась я.

– Осилишь, государыня-царевна, – отвесил мне низкий поклон Волынский и retirовался. От греха подальше.

Н-да... Ну, как всегда в России – гладко было на бумаге. Я выдернула Артемия Петровича из конюшен герцога Бирона, где он, как мне теперь казалось, был вполне на месте, только потому, что помнила дошедшую до потомков его «Памятную записку» императрице. Там был и про то, что беглых мужиков нельзя силой обратно возвращать, что добрый хозяин должен своим холопам-арендаторам инвентарь предоставить, лошаденку-коровенку помочь купить, соху опять же. И про необходимость колонизации пустовавших в то время богатейших южных земель – тоже было. Даже о вреде пьянства, кажется, что-то дельное было прописано.

И вот передо мною лежит теперь бесспорный оригинал этой самой «Записки», новенький, не тронутый временем, не прошедший еще вместе с его автором сквозь пытошные застенки. И все там именно так и написано: витиевато, конечно, но понять можно.

Только вот как до дела дошло, почему-то знаменитый прожектер сник и заблеял нечто не вполне вразумительное-побирушечье.

Ладно, другие-то еще хуже, других помощников у меня пока не густо, придется работать с этими. И только после того, как выясню, что происходит с патриархом, чем он там занемог и как его лечат. Феофан мне был нужен не меньше, ежели не больше, чем все остальные мои сторонники, церковь при нем только-только начала подниматься из той пустоты и разрухи, в которую ее вогнал великий Петр.

А России без православия – ну никак нельзя. Пустое место тут же заполняется таким... не буду говорить, чем именно, что об этом без содрогания и подумать невозможно. Хотя тот же владыко Феофан и ратовал всеми силами за «просвещенный деспотизм», но подсознательно на первое место ставил второе слово. Поскольку просвещенный деспот – это всегонавсего более или менее образованный человек, к которому можно апеллировать с точки зрения здравого смысла. Огульное же просвещение масс без опоры на религию... это Россия еще будет проходить, увы. Если мне не удастся хоть как-то воспрепятствовать зарождению этого процесса здесь и сейчас.

Я позвонила и приказала закладывать карету, а также вызвать доктора Лестока, дабы сопровождал к занемогшему Феофану. Слушались меня уже беспрекословно, не то что в первые месяцы моего пребывания в теле принцессы-племянницы. Хотя я крайне редко прибегала к физическим мерам устрашения, только грозила ими время от времени, но всю черную работу аккуратно спихивала Ушакову или самой августейшей тетушке.

В покои к патриарху меня допустили мгновенно. Владыко был действительно нездоров – и это еще мягко сказано. С первого взгляда было заметно, что у него жар, а дышал он с таким хрипом и свистом, что даже я сразу подумала о пневмонии. Н-да... таки плохо, этот недуг пока еще лечить никто в мире толком не умел, да и в то время, которое я так скоропостижно покинула, до конца не научились.

– Благослови, владыко, – привычно приветствовала я Феофана. – Что с тобою? Сказывали мне, занедужил ты.

– Правду сказывали, пресветлая царевна, – с трудом вымолвил Феофан. – Видно, Господь решил меня к себе призвать... хотя не все еще дела здесь завершил...

– На все воля Божия, – перекрестилась я, – только мнится мне, не его то воля, а козни лукавого. С ним же бороться нужно, владыко. Вот я врача с собой привезла, дозволишь ли осмотреть тебя.

– Как прикажешь пресветлая царевна...

Диагноз Лестока был витиеват и двусмыслен, но в общих чертах подтверждал мои подозрения.

– Излечимо ли сие? – осведомилась я.

Мой замечательный доктор только пожал плечами. Оперировать он явно умел много лучше, чем лечить ОРЗ.

– Тогда так, – решила я, мысленно перекрестившись. – Перво-наперво устройте так, чтобы его святейшество могло подышать парами травы мяты и чабреца. Из тех же трав приготовьте настойку, в кою добавьте корень солодовки...

Монахи, ухаживавшие за патриархом, смотрели на меня с оторопью, но кивали, причем двое порскнули разыскивать все необходимое для лечения. Лесток же просто не знал, как реагировать на внезапно открывшиеся во мне медицинские способности.

– И еще сыщите мне плесень, – добила я служителей Божьих. – В кадушках с соленьями прошлогодними поищите, должна там быть плесень на поверхности. Соберите мне, сколько сможете, только с молитвою, и с молитвою же в серебряном сосуде сюда доставьте.

– Ваше высочество, – вышел, наконец, из ступора Лесток, – зачем вам это понадобилось?

– После объясню, – отмахнулась я. – А вы, сударь, вспомните, доводилось ли вам слышать или читать о банках, кои на спину и грудь недужным ставят? Дабы дурную кровь оттянуть и дыхание облегчить.

– О да, ваше высочество! – тут же оживился врач. – Читал я, что римляне такие банки использовали и даже сам пробовал, когда нужно было из ран гной отторгнуть. По моему заказу их изготовили, всегда с собой вожу.

– И сейчас прихватили? – поинтересовалась я.

– Нет... но могу послать немедленно.

– Так посылайте! – жестко отрубил я. – Сами, небось, видите, что сейчас все средства хороши, лишь бы скорее.

– Государыня-цесаревна, – робко подал голос один из монахов, ухаживавших за владыкой, – банок, о коих толковать изволишь, у нас нет, а вот горшочки особые имеются. Их, правда, при пупных болезнях больше применяют, но...

– Давайте их сюда! И святой воды побольше принесите. Да, проветрить бы тут не мешало, а то владыко у нас задохнется от жары и смрада. Укутайте его потеплее, да какое-нибудь окно откройте.

– Они запеча...

– Знаю, что на зиму законопачено-запечатано, так ведь не замуровано же. Ну, быстренько, с молитвою, всей братией беритесь за исцеление столпа церкви нашей святой. Не время еще ему помирать, здесь надобен. Господин Лесток, вы мне головой за лечение патриарха отвечаете.

В этот момент принесли дымящийся котелок с травяным настоем и мисочку с самой что ни на есть натуральной плесенью. Быстро управились, молодцы.

– Господин Лесток, организуйте ингаляцию...

Глаза у господина доктора стали большими и круглыми.

– Ну, не знаю я ваших медицинских терминов! – потеряла я терпение. – Нужно, чтобы патриарх минут десять вдыхал лечебный пар от травяного настоя. Это понятно?

– Да, ваше высочество.

Пока доктор с монахами-помощниками сутились вокруг больного и выполняли мои ценные указания, я взяла мисочку с плесенью и, перекрестившись, плеснула туда святой воды, а потом размешала все в не слишком аппетитную с виду жидкость.

– Вот это будете давать через каждые три часа по глотку, – растолковала я монаху, показавшегося мне наиболее смысленным. – Да молитвы при этом честь не забывайте, особенно к младенцу Пантелеймону. Доктора я здесь оставляю, а мне весточки шлите как можно чаще. Я у себя помолюсь...

Той же ночью у патриарха случился кризис, а утром Лесток прислал ко мне монашка с сообщением, что опасности более нет, и Феофан обязательно поправиться.

С этим радостным известием я направилась к августейшей тётушке и застала ее... в постели, страдающей, как она сама утверждала, от несварения желудка. При том, что был Великий Пост, я могла только изумиться: что такого могло попасть в желудок императрицы, если категорически отказывалось там перевариваться? Блиц-допрос с пристрастием выявил, что наемни тётушка согрешила своей любимой буженинкой, сопроводив ее внушительной порцией квашеной капусты и парой вместительных бокалов вина... Н-да, тяжелый случай.

В принципе, из известной мне истории было достаточно ясно, что тётушка моя лет через несколько все едино помрет от камней в почках и мочевом пузыре. Но вот в данный конкретный момент это было бы очень некстати. Императрицу Анну Иоанновну следовало немедленно поставить на ноги и как следует полечить, чтобы она пробыла на престоле хотя бы еще года три. Иначе в России начнется такая смута и кровавая карусель дворцовых переворотов, что времена Дмитрия Самозванца и польского нашествия покажутся новогодним мультиком.

– Помираю я, Аннушка, – жалобно простонала тётушка, завидев меня. – Совсем плохо мне ныне, а врачи только кровь пускают, да клистиры ставить советуют...

– Я им, тетинька, сама клистир поставлю и кровь пущу, ежели они так будут ваше величество пользоваться, – посулила я. – Вон патриарха тоже чуть не до смерти залечили, слава Богу, опасность миновала, поправиться Феофан всем нам на радость. И ваше императорское величество вылечим. Допрежь всего прикажите повсюду молебны служить о здравии вашем и патриарха.

– Ох, сама прикажи... моим именем. Ты наследница, скоро самодержицею станешь...

– Надеюсь, что еще не скоро, – хладнокровно возразила я. – Но только вам, тетушка, надлежит пост с сей минуты соблюдать – наистрожайше. И соления всякие со стола своего изгоните... хотя бы до Пасхи. А мне позвольте изготовить травяной отвар, который помочь должен в страданиях ваших.

– Какой отвар? – простонала императрица.

– Корень шиповника очень помогает. И кукурузные рыльца...

– Откуда ты все это знаешь? – подозрительно прищурилась тётушка.

– Читаю много, – безмятежно пояснила я. – А вообще-то нужно придворную аптеку организовать, чтобы за каждым порошком к докторам не бегать. Прикажите собрать несколько человек, сведущих в лекарственных свойствах растений, пусть они этим займутся...

– Сама прикажи, – простонала тётушка.

Меня эта новая манера все спихивать на хрупкие девичьи плечи уже начала откровенно раздражать. То сама, это сама... Во-первых, полномочий у меня таковых не имеется, а, во-вторых, для чего тогда императрица? Буженину трескать?

– Вот что, майн либер танте, – как можно более спокойно сказала я, – приказывать я могу только лакеям, да придворным. Глядишь, послушаются. А государственными делами заниматься меня никто не ставил. Благоволите продиктовать кому-либо указы и титулы своей поставив. А я прослежу, чтобы все было исполнено в точности.

– Да нет у меня силушек...

– И не будет, коли вы себя не изволите беречь. Сегодня попоститесь, сделайте такую Божескую милость, да вино пока воздержитесь вкушать. В патриархии есть люди, в травах сведущие, с них и начнем, пусть они для вашего величества целебные отвары готовят... с молитвою.

– Помру я, Аннушка... – простионала тетушка, но уже куда менее жалобно.

– Все мы там будем, ваше величество, – философски отозвалась я, – да только торопить сие событие не нужно. Господь сам решит, кого и когда к себе призвать. Но вам помирать до того, как внуков своих увидите, никак невозможно. Так что поберегите себя... хотя бы для будущего России. Я права, ваша светлость?

Последний вопрос я адресовала непосредственно Бирону, который все время нашей беседы с тетушкой маячил где-то за занавесками ее ложа.

– Конечно, правы, ваше высочество! – с пылом воскликнул тот. – Анхен, сердечко мое, мы еще попируем на свадьбе ее высочества, а потом на бракосочетаниях моих деток, коих вы сверх меры облагодетельствовать изволили. Только не сиротите нас, позаботьтесь о своем высоком благополучии...

– Только вы двое меня и любите, – пустила искреннюю слезу императрица. – Будь по-вашему, попошусь и травки попою. А может, на богомолье...?

– А вот после свадьбы моей все вместе в лавру и отправимся, – предложила я. – К тому времени ваше императорское величество по милости Божией совсем оправиться. Вот тогда мы с вами государственными-то делами и займемся... вместе. Мне еще учиться надо, как и кому приказывать.

– Мудра ты, Аннушка, – совсем расчувствовалась тетушка. – Видать, в деда своего пошла, государя Алексея Михайловича. Герцог, коль племянница моя неопытна еще в делах государственных, пушай ей кто-нибудь поможет указы нужные продиктовать, а ты проследи, чтобы лишнего чего не проскочило. Царевна-то, почитай, дитё еще, всяк вокруг пальца обведет, коли пожелает...

Через три дня здоровье тетушки пошло на поправку, тем более, что я неусыпно бдела над строгим соблюдением ею диеты. Заодно наябедничала выздоравливающему патриарху, и тот прислал государыне-императрице пастырское внушение, в коем налагал на нее малую епитимию за малые грехи: строжайший пост до самой Пасхи. На тетушку было больно смотреть, так мучали ее страсти чревоугодия. Даже я сжалилась: выклянула у Феофана дозволение для императрицы через день вкушать отварную рыбку. Анна Иоанновна тут же размечталась об осетровом балыке, но пришлось удовольствоваться тем, что имелось в монастырском меню.

А еще через три недели, аккурат на Страстную среду, в Санкт-Петербург прибыли бывшие ссыльные: князь Иван Алексеевич Долгорукий с супругой Натальей Борисовной и малолетним сыночком. Княгиня была на сносях: одному Богу ведомо, как она умудрилась не родить раньше времени во время долгого путешествия из Сибири. А князь был тих и трезв, чем меня приятно удивил: я ждала опустившегося законченного алкоголика, а тут был вполне вменяемый, хотя и исхудавший чрезмерно мужик.

– Вот тебе, племянница, твоя княгиня, – пробасила тетушка, принимавшая бывших своих врагов в личных покоях. – Забирай ее, да не слишком балуй... знаю я эту породу Долгоруковых.

– Как прикажете, тётушка, – смиренно ответила я. – Только княгиня-то урожденная Шереметьева, а сия фамилия всегда тебе верна была. Смени гнев на милость.

Уже почти ощутимый конец мучений поста и предвкушение пасхальных радостей настроили императрицу несколько даже на сентиментальный лад.

– Хорошо, хорошо, все я прощаю, возвращаю князю имение его и жалую дом в Санкт-Петербурге. Но чтобы сидел там – тишайше.

– А с чего князю шумствовать? – пожала я плечами. – Не извольте беспокоиться, тетушка, я за всем пригляжу. А княгине нужно отдохнуть, да здоровое чадо на свет произвести. Так, Наталья Борисовна?

Княгиня подняла на меня свои прекрасные, воспетые потомками кроткие глаза, и тихо ответила:

– Прикажи, государыня-царевна, с сей минуты служить тебе начну. И молиться за ее императорское величество и за твое высочество денно и ночью стану.

Действительно она святая, что ли? Очень похоже на то.

Вот замечательная троица статс-дам у меня будет: святая Наталья, шлюха-Лопухина и высокомудрая Мария Кантемир. Скучать уж точно не придется.

Глава седьмая. Свадебные колокола

На Пасху в Санкт-Петербург прибыл мой обрученный жених и застал всех в добром здравии и взаимном благорастворении. Императрица, как и следовало ожидать, поправи-лась, в смысле, поздоровела. В весе же, наоборот, сильно убавила, что ее, в принципе, даже красило: исчезла отечность на лице, стало видно шею, взгляд прояснился. Как отечески вну-шал ей патриарх, сие произошло от богоугодного воздержания и непадения в грех чрево-угодия.

Так что разговение прошло без особых эксцессов: тётушка ела и пила весьма умеренно. Правда, во время трапез я с нее глаз не сводила в прямом и переносном смысле, так что, думаю, лишний кусок ей просто в горло не шел.

Я, кстати, тоже похудела, но не столько от поста, сколько от лавины обрушившихся на меня предсвадебных хлопот. Как и водится на Руси, к сроку ничего готово не было, платье было сметано «на живую нитку», а заказанная во Франции подвенечная вуаль где-то застряла в дороге. Пришлось мобилизовать «пресвятую троицу», как я окрестила своих статс-дам.

Удивительно, но они достаточно быстро нашли общий язык. Правда, основная заслуга в этом принадлежала княгине Долгорукой, хоть и была она моложе двух других. Просто годы, проведенные в глухом Березове, наложили на нее неизгладимый отпечаток смирения и терпения, а все хорошее она воспринимала как нечаянную радость. И меня, признаюсь, тянуло к этой тихой, немногословной женщине – невинной жертве династических страстей.

Настолько тянуло, что я стала крестной матерью родившегося у нее через две недели сына Дмитрия. В крестные отцы я определила Артемия Петровича Волынского, который все-таки сумел предоставить мне достаточно дельный план улучшения российской эконо-мики. Но, поставив свое «добро», я передала сей документ на высочайшее рассмотрение тётушке, а та, как водится, запихнула бумаги себе под подушки и пока не собиралась ничего читать: свадьба на носу, не до чтения. Пришлось скрипнуть зубами и запастись терпением.

Подвенечное платье срочно дошивали придворные швеи под надзором Натальи Лопу-хиной. Было оно из серебряной парчи и сплошь расшито серебряными же лилиями – сим-волом невинности. Я заикнулась было о белом платье, но меня элементарно не поняли: сва-дебное платье должно быть роскошным, цвет никакого значения не имел.

– А с вуалью что будем делать, княжна Марья? – поинтересовалась я у мадемуазель Кантемир, брат которой, будучи российским послом в Париже, и отвечал за доставку этого необходимого атрибута венчания. – Подвел нас князь Антиох, боюсь, разгневется госуда-рыня.

Княжна побледнела и промолчала: хотя государыня пока и была к ней милостива, Мария Кантемир прекрасно помнила годы своей ссылки и опалы после смерти императора Петра Первого. А через два дня, присев в глубоком реверансе, протянула мне сверток из старинной парчи:

– Прими, государыня-царевна, от недостойной служанки своей сию вещицу.

Я развернула парчу и онемела. В моих руках текла, струилась, переливалась жем-чужно-серебристым светом тончайшая ткань роскошной вуали.

– Это подвенечный убор молдавских государынь, – пояснила княжна. – Дед моего деда получил ее от какого-то восточного владыки со многими другими дарами. Моя мать была последней, кто надевал эту вуаль. Считается, что она приносит счастье в семейной жизни и детям.

– Я не могу это принять, княжна, – сказала я совершенно искренне. – Это ведь фамиль-ная реликвия, в ней должны венчаться только те, кто становится избранницами Кантемиров.

Губы княжны тронула легкая горькая улыбка.

– Государство наше исчезло, государей молдавских больше нет. Мой старший брат, думаю, никогда не женится, он слаб здоровьем, а младший давно женился, но даже не вспомнил об этой вуали. Прими, государыня-царевна, Бог даст, станешь не только императрицей российской, но и повелительницей Молдавии. Не век же там туркам хозяйничать.

Н-да, это была уже высокая политика. Подобные перспективы, пожалуй, могли поколебать мою щепетильность. Да и слишком уж хороша была вуаль, ничего подобного я даже в фильмах в своей прежней-будущей жизни не видела. Соткана из звездного сияния и лунного света – вот, пожалуй, самое точное определение этой великолепной ткани.

– Благодарю, княжна, и принимаю, – ответила я. – Ты и понесешь ее за мной во время венчания. Вместе с княгиней Натальей.

– А я?! – оскорблено воскликнула Лопухина, пожирившая вуаль жадными глазами.

– А ты, моя милая, следом за ними пойдешь с цветами. Никак запомнила, что веры лютеранской, а не православной. Еще не знаю, в собор-то тебя допустят ли...

По лицу Лопухиной было видно, что соображения о конфессии ей просто в голову не пришли. Она и кирху-то посещала раз в год по обещанию, а в православном храме бывала только во время крестин своих детей, то есть примерно в два раза чаще.

– Я приму православие! – осенило ее, наконец.

– Конечно, примешь, куда ты денешься? – согласилась я. – Из иноверцев я при своей персоне только лекарей да ученых, пожалуй, оставлю, а вот придворных дам-еретичек мне не надобно. Пойди к отцу Сергию, священнику в дворцовой церкви, он тебя наставит на путь истинный, а через сорок дней, благословясь, и окрестит.

– Так ведь свадьба через неделю! – зарыдала Лопухина.

– Раньше надо было думать, – равнодушно пожала я плечами.

– Бог един для всех и ко всем милостив, – тихо заметила княгиня Долгорукая.

– Очень он тебя миловал! – тут же огрызнулась Лопухина.

– Коли я здесь, подле государыни-царевны, супруг мой из ссылки вызволен, а детки здоровы, значит, милостив.

– Натали, прекрати обижать княгиню, – вмешалась я. – Меня лучше послушай. В собор на мое венчание ты только гостьей попадешь, но я тебе предрекаю: примешь православие – до старости останешься молодой и прекрасной по милости Божией.

Тут я ничем не рисковала, поскольку прежнюю историю красавицы Лопухиной знала великолепно. В возрасте сорока пяти годочков она считалась одной из самых красивых дам при дворе императрицы Елизаветы Петровны. За красоту и кокетство и поплатилась: императрица приказала выпороть ее плетьюми и отрезать язык за участие в якобы заговоре против ее особы. Жаль, что Наташка никогда не узнает, от какой страшной участи я ее избавила. Впрочем, узнала бы – не поверила бы.

И тут я даже привскочила: вспомнив о том, вымышленном заговоре, невольно вспомнила и про «подельницу» Лопухиной, Анну Бестужеву. Сейчас она еще Анна Ягужинская, вдова Павла Ивановича, недавно опочившего. Но годиков через пять теоретически должна выйти замуж за графа Михаила Петровича Бестужева-Рюмина, брата графа Алексея Петровича, весьма искусного дипломата. Бог с ней, с Анной Гавриловной, но как же я про Бестужевых-то запомнила?

Хотя... Анна тоже мною забыта незаслуженно. Ведь Наталья Лопухина, ее закадычная подружка, хлопотала о том, чтобы ту принцессу Анну из холмогорского заключения выпустили за границу к родственникам супруга принца Антона Брауншвейгского. И Бестужеву в это дело втянула, которой тоже хотелось почему-то видеть на российском престоле Анну Леопольдовну, а не Елизавету Петровну.

Что ж, после свадьбы нужно будет Анну Гавриловну Ягужинскую к себе приблизить и с графом Михаилом Бестужевым ее лично сосватать. А графа Алексея Петровича упо-

требить, так сказать, «по назначению», то есть сделать сразу министром иностранных дел – канцлером. Мне такой помощник в будущем очень пригодится: если он смог заставить заниматься государственными делами ленивую Елизавету, то со мной ему работать будет – чистое удовольствие.

Тут я обнаружила, что в комнате давно уже царит тишина: мои три грации не осмеливались побеспокоить царевну в ее размышлениях.

– И вот еще что, Наталья, – нарушила я затянувшееся молчание, – напиши подруге своей, Анне Ягужинской, что я к ней всегда благосклонна и желаю ее видеть в числе своих придворных дам. А то тётушка моя ее статс-дамой сделала, а Анна Гавриловна от монарших милостей в Москву сбежала.

– Она же только что овдовела, ваше высочество! Вот и отправилась к родне... горевать.

– Разберемся, – отмахнулась я. – Дамы, давайте заканчивать с моим подвенечным прики... то есть нарядом. Княжна Марья, благодарю еще раз за вуаль. А мне к тётушке нужно. Поговорить.

Разговор этот я откладывала практически до последнего, потому что не совсем ясно представляла себе, как отреагирует императрица на мои замыслы. А задумала я ни больше ни меньше, как переехать с моим супругом после свадьбы в Москву. Не нравился мне Санкт-Петербург, еще в прошлой-будущей жизни не нравился. Климат отвратительный, наводнения, почитай, каждый год. С Москвой никакого сравнения нет.

Как я и думала, венценосная тётушка тут же перешла на крик, едва я произнесла первые несколько фраз о своем переезде.

– Ишь, что удумала! – бушевала она. – Большую тётку бросить одну-одинешеньку государством управлять! Я-то к тебе, как к родной дочери, а ты...

– Тётушка, – самым жалобным голосом воззвала я, – успокойте ваше высокое достоинство. Супруг мой будущий вашими милостями стал губернатором московским, а куда муж – туда и жена, сами, небось, ведаете. Да и герцог с семейством с вами остаются, и патриарх тут же. Клянусь, если Господь благословит мой брак потомством, рожать буду подле вас, в столице. Я вас за матушку родную сама почитаю...

– Почитаешь, как же... Так и норовишь улизнуть от меня.

– Тогда прикажите отменить свадьбу, ваше императорское величество, – выложила я свой главный козырь. – Останусь при вас вековухой или в монахини постригусь тут же, в Санкт-Петербурге, дабы не лишать ваше величество своего общества.

– Совсем спятила? Как это я свадьбу отменю?! Да меня дяденька Салтыков поедом заест после этого: так родню обидеть.

– Анхен, – вступил, наконец, в беседу Бирон, который до этого сидел молча и грыз ногти. – Принцесса права: супруга должна неотлучно при супруге находиться. Да и Москва – не Сибирь, в неделю можно курьерам туда и обратно обернуться. Уверен, принцесса обязательно вернется к вам, дабы под вашим покровительством произвести на свет наследника престола российского.

– И ты так считаешь? – поразила Анна Иоанновна.

Еще бы ему так не считать! Герцог откровенно побаивался моего слишком тесного сближения с тётушкой, во-первых, и продолжал лелеять надежду, что регентом при моем будущем сыне дорогая Анхен назначит все-таки его светлость, а не родную мать Великого князя. В прежнем варианте истории именно так и произошло, только регентство Бирона продолжалось месяц с небольшим и закончилось двадцатилетней ссылкой – сперва в Сибирь, потом в Ярославль.

Я же планировала отправить герцога с семейством в Митаву, руководить герцогством Курляндским, причем чисто номинально. Кроме того, у меня были весьма коварные планы на его ближайшего помощника – еврея Лейбу, который блистательно вел финансовые дела

его светлости. Не забывая о собственном кармане, естественно. Нужды нет, что в России отродясь евреи финансами не ведали; в Европе уже лет пятьсот существовала подобная практика. И я намеревалась последовать примеру более продвинутых стран.

А еще я собиралась позаимствовать у Артемия Петровича Волынского его «конфидента» – талантливейшего архитектора Петра Еропкина, которого отличал сам Петр Первый. Именно он руководил составлением генерального плана застройки Санкт-Петербурга, разработал проекты планировки его центральных районов, закрепив три главных лучевых проспекта, и наметил пути дальнейшего развития города.

Вот пусть тут его планы и воплощает в жизнь кто-нибудь другой... или не воплощает. Я же хотела, чтобы Петр Михайлович разработал для меня принципиально новый план развития и застройки Первопрестольной, такой, чтобы Москва мигом затмила все остальные российские города, да и европейские тоже, если уж на то пошло. Состоится в новом варианте истории французское нашествие или нет – вопрос спорный, Москва вполне может и не гореть, зачем такие крайности? Париж, небось, никто не подпаливал с четырех углов, даже в голову не пришло.

Но сначала надо было все-таки выйти замуж и заручиться поддержкой не только императрицы, но и всей ее салтыковской родни. Да и московскую аристократию обласкать, которая явно чувствовала себя обиженной (и было от чего: лишили столичного статуса, поломали вековые традиции). Со времен великого Петра Москва стала негласным оппозиционным центром России, что мне совершенно не нравилось. Мало того, что новая столица крайне уязвима и убийственна – в прямом смысле этого слова – по климату, так еще нужно непрерывно следить, чтобы в старой столице не образовалось какого-нибудь заговора.

Я встряхнула головой, поскольку замечталась не к месту и не ко времени. Не положено молодой девице накануне свадьбы о серьезных вещах задумываться, да и вообще о чем-нибудь, кроме подвенечного платья и свадебных подарков. Не поймут. Суметь бы уломать тётушку на мой переезд – временный, временный! – в Москву, сейчас это – главное. А все остальное потихонечку можно будет довести до ума потом, во благовремени.

– Пусть принцесса поживет с супругом в Москве, – журчал тем временем Бирон. – Пусть тамошние дворяне привыкнут к тому, что твое око, государыня, всюду зрит. Высокородный граф Владимир русскими весьма любим, а в качестве супруга матери наследника престола российского...

Через полчаса императрица сдалась.

– Ну, будь по-вашему, – прослезилась она. – Поживи, Аннушка в Москве, там в Измайловском дворце такая благодать... Сады душистые, огороды богатые, да и сам дворец – не чета этим каменным палатам, в которых и летом-то стынешь. Вот бы стать снова молодой, да в Измайлове на качелях с сестрами покачаться...

– Качели и здесь можно приказать поставить, Анхен, – не понял герцог ностальгии своей возлюбленной.

– Да ну тебя, – отмахнулась тётушка. – Где это видано, чтобы императрица на качелях качалась? Нет уж, придется доживать в золотой клетке вдовицею горькой...

Анна Иоанновна завела свою любимую пластинку, от которой сама же потом часами в умилении и рыдала. Мне это было неинтересно, поэтому я приложила к императорской длани, сделала реверанс герцогу и оставила их в обществе друг друга. Бирон найдет, чем императрицу утешить, не в первый раз, чай.

Мое бракосочетание состоялось через два дня в Казанской церкви на Невском проспекте в присутствии государыни и всего двора. Меня разбудили ни свет ни заря, причем сама императрица явилась лично проконтролировать мою прическу, макияж и туалет. С прической действительно пришлось повозиться, поскольку мои многолетние труды не пропали

даром, и длинные густые волосы заплели аж в четыре косы. Правда, стянули из так туго, что я чуть было не зашипела от боли.

Макияж – это, конечно, сильно сказано. От предложенных тетушкой белил я отказалась наотрез: из книг помнила, что в состав этой антикварной косметики входил свинец. Подружилась самую капельку, хотя тётушка настаивала на более ярком цвете лица – как у нее. И мимоходом ввела новую моду: подвела тонким угольком глаза «под Клеопатру», отчего тут же приобрела некоторое сходство с экзотическими восточными красавицами, а придворные дамы, как мартышки, тоже стали рисовать себе глаза в пол-лица. И смех, и грех...

Когда я в последний раз глянула на себя в зеркало перед выходом, то осталась довольна увиденным: стройная серебряная фигурка, флер вуали смягчал черты лица и делал его почти прекрасным. Дорого бы я дала, чтобы меня кто-нибудь сфотографировал в этот момент – хоть на мобильный телефон. Увы...

Венчал нас с графом Владимиром, то есть теперь уже Великим князем, сам патриарх, отчего и без того пышная и долгая церемония приобрела и вовсе византийский размах и величие. К концу ее несколько сомлевших дам вынесли из церкви на свежий воздух: не выдержали, бедняжки, полного чина. Мне, если честно, тоже было нелегко, но я «держала марку». Да и тому, кто в свое время отстаивал многочасовые очереди за сахаром по талонам, это было не в новинку.

Потом великолепная процессия потянулась по Невскому проспекту. В роскошной карете лицом к лицу сидели императрица и я – в своем серебристом платье и дивной фате, которую удерживала на голове маленькая серебряная корона, усыпанная бриллиантами. Супруг мой ехал в следующей, не менее роскошной карете, со своими шаферами – представителями знатнейших российских семейств. Я было заикнулась о том, что из-под венца новобрачным лучше бы ехать вместе, но у тётушки, по-видимому, были свои представления о приличиях.

Или она просто не хотела ехать из церкви одна – не с герцогом же Курляндским в одной карете красоваться. Придворным-то все равно, а вот простой народ может не понять... или понять слишком правильно.

Свадебный пир устроили на свежем воздухе, поскольку день был не по-майски знойным и не по-петербургски солнечным. Специально к этому дню соорудили искусственный грот, в котором стоял стол для VIP-персон (вот никак я не могла отделаться от привычных мне словесных клише!). А от грота до фонтана тянулась дорожка, вдоль которой по обеим сторонам стояли длинные столы – человек на шестьсот, точно не знаю. А чтобы гости, сохрани Бог, не обгорели на майском солнышке, на столах устроили навес из зеленого шелка, который поддерживался увитыми живыми цветами колоннами.

Простой народ поили белым и красным вином из фонтанов, специально для того устроенных, и кормили жареным быком с «другими жареными мясами». Ни на вино, ни на закуску не скупилась, так что народное ликование было совершенно искренним. Тем паче, что царских свадеб практически никто тут не видел со времен бракосочетания старшей дочери Петра Первого – Анны с герцогом Голштинским. Но и тогда простой люд только облизывался под дворцовыми окошками. А тут – такое гостеприимство!

В прежней-будущей жизни я один раз выходила замуж за своего однокурсника. Времена были трудные, денег ни у кого не было (у студентов – тем более) и все ограничилось традиционным «салатиком» и немереным количеством спирта «Ройяль», завезенного тогда в Россию по совершенно бросовым ценам. Кто разводил спирт лимонадом, кто пил «чистеньким», но в итоге все на удивление быстро оказались под столом. Тем свадебные торжества и закончились, а через два года мы закончили институт и заодно семейную жизнь.

Получив удивительнейший шанс прожить еще одну жизнь, да не абы какую, а – практически царскую, я наслаждалась каждой минутой своей великолепной свадьбы. Невесты

некрасивыми не бывают, а уж невесты-принцессы – тем более. За здоровье молодых, правда, подняли только второй тост: первый, разумеется, достался ее императорскому величеству, которая сама сияла как новобрачная. Перед поездкой в церковь она с гордостью сообщила мне, что специально оделась скромнейше, дабы не затмить невесту. Парчи и золота на ней действительно не было, но от платья из тонкого китайского шелка, расшитого райскими птицами и невиданными цветами, я бы, честно говоря, и сама не отказалась.

Пир продолжался совсем недолго – часов шесть, не больше. При этом я заметила, что мой супруг пьет весьма умеренно, чтобы не сказать – почти не пьет. Пустячок, а приятно: никогда не любила поддатых мужиков, особенно в постели. А мне ведь действительно предстояла первая брачная ночь, и если память хранила подробности моих отнюдь не платонических романов в оставленном будущем, то тело принадлежало непорочной девице двадцати одного года. Ничего приятного я от предстоящего мне выполнения супружеского долга поэтому и не ожидала, надеялась только, что в восемнадцатом веке мужчины галантнее и опытнее своих далеких, еще не родившихся потомков.

К вечеру слуги молниеносно освободили пространство под навесом от столов и начался бал, в разгар которого небо озарилось праздничным фейерверком, а мы с супругом под шумок удалились в отведенные нам покои. Я позорно трусила и мне впервые с момента переселения в другое время и тело остро захотелось выкурить сигаретку. Увы...

Мои «три грации» в шесть рук готовили меня к предстоящей ночи: освободили от короны и расплели окаянные косы, разоблачили, помогли искупаться в заранее приготовленной огромной лохани с теплой водой и нарядили в атласную ночную сорочку – с высоким воротом и длинным рукавом. Воплощенное целомудрие. И уложили на широченную роскошную кровать под балдахином – дожидаться прихода законного супруга.

Но сначала пожаловала августейшая тетушка: благословить, так сказать, лично. То ли от выпитого венгерского, то ли от подлинных чувств, но плакала она так, словно сама должна была впервые взойти на брачное ложе. Пришлось мне ее утешать и успокаивать. К счастью, в сопровождении герцога Бирона появился князь Владимир, облаченный в роскошный парчовый халат и внешне достаточно спокойный.

– Ну, зачните с Богом, – благословила нас императрица, осушая слезы. – Укрепите древо дома нашего славного...

И мы, наконец, остались наедине.

Я совершенно напрасно трусила, поскольку забыла о своем высоком положении. Мой богоданный супруг, наоборот, ни на секунду не забывал о том, что делит ложе не абы с кем, а с племянницей императрицы. Так что был предельно осторожен и деликатен – насколько это вообще возможно для мужчины. Я же, настроившись на «вторую серию» крайне мучительного расставания с невинностью, была приятно удивлена: ни особой боли, ни даже ощущений, неприятнее банального укола. Судя по всему, в бывшей-будущей жизни мне фатально не повезло с первым мужчиной.

Сейчас же все происходило с точностью до наоборот. В тот раз, измочалив меня по полной программе, партнер с огромной брезгливостью отнесся к возникшей по его милости лужице крови, осведомившись:

– У тебя месячные, что ли? Надо предупреждать.

И страшно удивился, что он у меня первый. Удивился и опять же высказал претензии:

– Знал бы, пальцем бы тебя не тронул.

А ну его. Вспоминать до сих пор неприятно. Тут же князь-супруг мне только что ноги не целовал, обнаружив недвусмысленные доказательства моей невинности, предложил выпить за это по бокалу вина и вообще подкрепиться, поскольку на свадебном пиру нам обоим было не до того. Величал он меня при этом исключительно «сударыней» и на «Вы». Было похоже, что моя семейная жизнь началась достаточно благоприятно.

Через несколько часов, подкрепившись фруктами и бисквитами, мы мирно заснули рядышком и были разбужены только поздним утром зычным голосом императрицы:

– Ну, как тут мои детки?

И опять слезы умиления, и поздравления, и демонстрация простыни всей свите. Я не знала, куда деваться от неловкости, но окружающие, кажется, считали все происходившее в порядке вещей. Ну и ладно!

Правда, через какое-то время я не выдержала и шепотом попросила княжну Кантемир сделать так, чтобы нас на какое-то время оставили в покое. Во-первых, мне хотелось, наконец, выпить кофе и позавтракать, а во-вторых, поговорить со своим супругом, причем отнюдь не о любовных делах. Не знаю, как ей это удалось, но в конце концов «браутска-мора», сиречь брачные покои, опустела.

Я готовилась к первому серьезному разговору довольно долго, но сейчас у меня все вылетело из головы. Да и как можно говорить о делах в неглиже, хотя бы и сверхроскошном? Супруг поглядывал на меня с ласковой улыбкой, но рта не раскрывал, пил себе кофе, макая в него бисквиты.

– Может быть вы, сударь, предпочли бы иной завтрак? – решила я наконец.

– Благодарю, сударыня. Только вкусы у меня простые, уж не взыщите. К кофию не приучен.

– А что бы вы желали?

– С утра квас пью, да кашей заедаю, как от дедов наших пошло. Уж не извольте гневаться, сударыня.

– Я, сударь мой, теперь супруга ваша, и по русским обычаям должна вас слушаться и вам угождать... хотя бы дома. С завтрашнего утра распорядюсь, чтобы вам подавали то, что вы предпочитаете.

Князь с чувством поцеловал мою руку и сказал:

– Вот уж не чаял, что в принцессе столь высокого происхождения обрету русскую по духу.

– Обрели, сударь мой, – улыбнулась я. – Только уж не прогневайтесь и вы, что на людях немного по-другому вести себя стану. В доме же все по вашему слову заведено будет. В Москве...

– Так вы, сударыня, не шутя желаете в Москву переехать? – неподдельно изумился князь.

– Какие шутки! Москва – мать городов русских, древняя столица наша, а вы, сударь мой – ее губернатор. Где же нам и жить, как не в Москве?

– Но я не приготовил там для вас достойного дома... – окончательно растерялся князь.

– И не надо. Какое-то время в Измайлове проживём, дворец там знатный, хотя и ветхий. А потом хотелось бы мне дворец в Кремле построить, чтобы лучше Зимнего был. Для того мною призван архитектор изрядный...

Во взгляде моего супруга появилась заинтересованность. Правда, густо замешанная на удивлении: он явно не ожидал подобного поворота разговора с новобрачной.

– Мечтаю Москву в камне отстроить, по примеру Санкт-Петербурга, – продолжила я. – Дабы не было более пожаров страшных. Вместо земляных валов, давно не надобных, бульвары устроить с прудами, а улицы замостить.

– И я о том же мечтал, – признался князь Владимир, – да не дерзал предлагать ее величеству...

– И не надо дерзать, – засмеялась я. – Тётушке моей любезной дела нет до того, какие дома в Москве появятся, да какие пруды выкопают. Лишь бы тишина и благолепие были, да заговоров вредных не устраивалось. А вот об этом вы, сударь мой, как раз и будете печься

денно и ночью. Дабы императрица в Санкт-Петербурге царствовала спокойно и величественно.

Разговор приобрел для меня огромный интерес, но, увы, продолжить его нам не дали. Свадебные торжества, оказывается, только начинались: императрица располагала ликовать и веселиться не меньше недели. Так что нас с супругом завертела яркая череда парадных обедов и ужинов, придворных маскарадов и балов, посещение оперы в недавно отстроенном театре, фейерверк и иллюминация в Летнем саду. Я переодевалась по четыре раза в день и уже начинала злиться на эту неубиваемую русскую традицию растягивать любой праздник до гомерических размеров.

К тому же мне никак не удавалось выспаться: супруг мой исполнял свой долг в спальне с тем же рвением, что и на государственной службе, а я постепенно позволяла себе вспоминать опыт прежней-будущей жизни и уже не изображала из себя робкого невинного агнца. Честно говоря, мне это даже доставляло немалое удовольствие, уже порядком подзабытое, а выполнение супружеских обязанностей не сопровождалось необходимостью вести домашнее хозяйство. Одно слово – царская жизнь! Но спать все равно хотелось постоянно.

Закончились праздники, как и следовало ожидать, очередным приступом болей у дорогой тётушки. Конечно, и я была в этом виновата: не доглядела. Но герцог Бирон с супругой получили от меня изрядную головомойку и жесткий наказ: впредь печься о здравии государыни пуще, нежели о своем собственном, иначе пожалеют о том, что оказались приближенными к ее особе.

– Но принцесса, – защищался Бирон, – государыня наша никого не слушает и всегда поступает по собственному разумению. Вам ли об этом не знать!

– Так пока я следила за рационом ее величества, все было замечательно, по воле Бога, – отрезала я. – А вам, герцог и герцогиня светлейшие, надлежит еще зорче, нежели мне, за сим следить. Особенно теперь, когда мы с супругом на Москву отъехать собираемся.

– Ах, принцесса, и на что вам Москва эта дикая? – заныла герцогиня.

– Не дичее вашей Митавы, сударыня! – повысила я голос. – Москва есть третий Рим, а четвертому – не бывать. Ваши предки по лесным хижинам сиживали, а Москва уже всех великолепием своим поражала. И довольно об этом. Да, герцог, скажи своему еврею, чтобы ко мне зашел хотя бы и сегодня. Нужен он мне.

– Ваше высочество! – взвыл герцог.

– Не бойся, в Москву его с собой не возьму, пусть пока тут побудет. Но человек он опытный и умелый, а печется токмо о вашем светлейшем благополучии, да себя при этом не забывает. Нам угодно сделать его суперинтендантом России, на пример известного господина Кольбера при французском короле. Указ о сем императрицею уже изготовлен и подписан.

– Да на что вам еврей, принцесса?

– Не мне, а государству. Пушай казну приведет в такой же порядок, в каком твои сундуки содержит и ежегодно прибылью нас радует. Справится – награжу, а проворуется – не помилую, на то мне от государыни неограниченная власть дана.

Больше возражений не последовало, а с Лейбой Либманом я переговорила в тот же вечер в присутствии моего супруга. Князь, правда, не пришел в восторг от моей затеи, но и перечить в открытую пока не решился. Новоиспеченный же суперинтендант то бледнел от страха, то краснел от предвкушения новых возможностей, но отказаться, разумеется, не посмел, только попросил позволения выписать себе двух толковых помощников. Я позволила – но только двоих и без семей. Только еврейских погромов мне не хватало!

Тётушка, наконец, поправилась и мы с супругом и большой свитой отбыли, наконец, в Первопрестольную. Княгиня Долгорукая со всем семейством безмолвно и кротко последовала за нами, равно как и княжна Кантемир. А вот Наталья Лопухина пала к моим ногам

и попросила оставить ее с императрицей. На самом деле мы обе прекрасно понимали, с кем именно она не хочет разлучаться.

– Учти, Наталья, – пригрозила я напоследок, – ежели что без моего ведома совершишь тут, твой Левенвольде ненаглядный враз головы лишиться. Будешь докладывать мне обо всем еженедельно секретным шифром, а императрицу беречь, как мать родную...

Когда наш кортеж, наконец, тронулся по Московскому тракту, я откинулась на подушки кареты и прослезилась от облегчения и радости. Свобода!

Глава восьмая. Москва златоглавая

Москва встретила нас колокольным звоном и буйным цветением сирени. Я волновалась в дороге, как девушка перед первым свиданием: все-таки возвращалась в родной город, который была вынуждена так внезапно и странно покинуть. Конечно, мой дом еще не построен, да и район, который в мое время считался практически центральным сейчас, скорее всего, глушь лесная с редкими деревеньками. Или нет?

В бывшей-будущей жизни я читала, что слово Пресня – видоизменение слова «приездня». В Москву, в годы правления князей, приезжали гости из Новгорода, Смоленска, немцы и свейские, т. е. шведские, люди. Им не давали места для стоянки до тех пор, пока не обуславливалось, как и где им остановиться гостевать. Без разрешения духовенства и княжеского чужестранцы и иногородние не въезжали в Москву. Для приезжих гостей была съездня Приездная слобода. Здесь спрашивали у заезжающего гостя зачем, с какой целью он прибыл. Затем с большим трудом гость попадал на встречу к Московскому Великому князю и получал либо разрешение, либо отказ на пребывание в Москве.

Впоследствии, уже при Петре I, приездная была отдана на жительство грузинским царственным особам, бежавшим от войн и распрей с Кавказа. Центральная улица в районе – Красная Пресня, преобразованная за многие века из части древней Волоцкой дороги, ведущей к одному из шести стариннейших московских поселений – Кудрину. Я приказала въехать в Москву именно через этот район, а не по Тверскому такту, как было принято.

Супруг мой удивился, конечно, но просьбу уважил. Так что я воочию увидела – не лесную чащу, а множество деревенок, живописно раскинувшихся по берегам речки и четырех прудов, вырытых еще в прошлом веке. Красотища – неопишущая, даже уродливо-помпезный дом в селе Грузины не портил общего вида. Впрочем, это вполне можно было поправить.

– А вот тут, сударь мой, хорошо бы выстроить летний дворец, – сообщила я супругу. – Измайловский-то всем хорош, да боюсь, пока мы оттуда тараканов да клопов повыведем, у нас уже и внуки появятся.

– Как прикажете, сударыня, – галантно поклонился мой супруг. – Препятствий к сему особым не вижу, большая часть земель тут принадлежит Нарышкиным, да Салтыковым...

– Родственникам, значит, – усмехнулась я. – Будем договариваться по-родственному.

– Сударыня, да вам стоит только пожелать, вам все в дар поднесут и за счастье великое почитать будут. Тут речка такая чистая, что за водой из Москвы приезжают...

– Какая речка? – неподдельно изумилась я. – Москва-река?

– Да нет же, Пресня. Речушка маленькая, а вода в ней – чистый хрусталь.

Ну да, могла бы и сама сообразить, что Горбатый мост, который в мое еще не наступившее время стал просто декоративным сооружением, раньше был через что-то перекинут.

– А вот и Вознесенский храм, царицей Натальей Кирилловной построенный...

Н-да, практически ничего общего с тем, в котором венчался Пушкин. Наверное, был перестроен в будущем, причем неоднократно. И ни единого знакомого дома рядом, даже бульваров, похоже, еще нет. А ведь отсюда до Кремля – рукой подать, домишки-то по сторонам улицы небедные стоят. И монастырь какой-то по правую руку... не помню я ничего похожего, хотя на этом самом месте в скверике частенько сиживала после занятий в университете. Блин, и университета еще не построили!

– Что это за монастырь, сударь? – осведомилась я.

– Никитский женский, сударыня, дедам царя Михаила Федоровича, боярином Никитой Романовичем основанный при церкви великомученика Никиты.

Двойку вам, сударыня, за знание истории родного города! Хотя, как ее изучать, эту историю-то, если все десять раз сносилось под корень или в пожарах гибло. В Санкт-Петер-

бурге, небось, как что построят – так уж точно на века. Нет, прекращу я в Москве это безобразие, сохраню все, что только можно. Кому, скажите на милость, этот монастырь помешал? Теперь я вспомнила, на этом месте стояло какое-то неопишимо уродливое здание почти без окон. То ли телефонная подстанция, то ли еще что-то в этом же роде.

– А вот и Кремль, сударыня, – прервал мои мысли супруг. – Приехали.

Ну, слава Богу, хотя бы Боровицкие ворота остались в неприкосновенности! Я невольно залюбовалась этой самой древней башней Кремля с ее основанием в итальянском стиле и тремя каменными резными гербами. Так засмотрелась, что не сразу поняла: ворота-то совсем в другом месте находятся! В Кремль мы въехали – точно из-под земли на гору поднимались, лошади с трудом тащили карету по крутому склону.

Но на вершине холма я была вознаграждена видом первого знакомого мне здания – Арсенала, сооруженного, оказывается, по приказу аж самого Петра Первого после пожара, уничтожившего половину Кремля. Царь-реформатор тогда повелел «от Никольских ворот до Троицких всякое по правую сторону строение ломать до подош, и на том месте строить вновь Оружейный дом, именуемый Цейхоуз», по собственноручно вычерченному им плану.

Правда, полюбоваться готовым зданием Петр Алексеевич не успел: долгострой на Руси тогда уже существовал. Впрочем, частично в этом был виноват и сам автор проекта, который несколькими годами позже запретил строительство каменных зданий в любом городе, кроме Санкт-Петербурга. Чем он при этом руководствовался – одному ему ведомо, ну да я всегда считала Петю с большим приветом.

В результате возводили Арсенал целых 34 года, и завершили лет пять тому назад. Но дело того стоило: простое и монументальное здание Арсенала прекрасно сочеталось с древним Кремлем. Я вспомнила монстра из стекла и бетона, взбухшего посреди Кремля в оставленном мною времени, и невольно передернулась. А тут было не здание, а произведение искусства: нижний этаж расписан так, что казался сложенным из каменных глыб, а гладкие стены на огромном протяжении фасада были прорезаны лишь редко поставленными спаренными окнами, подчеркивающими мощь стен.

Кстати, к наполнению этого музея доблести русского народа и силе его оружия приложил руку и близкий родственник моего супруга – смоленский воевода Петр Салтыков. Петр Алексеевич не поленился лично написать ему:

«В Смоленске мозжеры (мортиры) и пушки медные и железные и всякие воинские сенжаку (знаки) осмотреть и описать и буде явятся которые под гербами окрестных государей, а именно Салтанов Турских и королей Польскаго и Свейскаго, взятые на боях, где воинским случаем, и те все собрав взять к Москве и для памяти на вечную славу поставить в новопостроенном Цейхгаузе».

Все было исполнено в точности – впоследствии я имела возможность убедиться в этом лично.

А напротив Арсенала располагалось одноэтажное здание на облицованном белом камнем фундаменте. Довольно большое и красивое, между прочим. Это еще что такое? Карета наша явно направлялась именно ко входу в это архитектурное сооружение.

– Что это, сударь мой? – осведомилась я у супруга.

– Сударыня, это зимний Аннегоф, – с некоторым удивлением ответил он. – Дворец, выстроенный иностранным зодчим Растрелли по приказу вашей августейшей тётушки.

Ё-мое! Растрелли, оказывается, построил целый царский дворец в Кремле, а кто об этом потом вспомнил? Ну, тем лучше: не придется тратиться на постройку кремлевской резиденции, обойдемся тем, что имеется. Надеюсь, в этом дворце достаточно места для нас с супругом и для моего небольшого двора. Зимний Аннегоф, значит. Тогда по идее должен быть и летний. Кажется, мне придется на ходу пересматривать мои планы обустройства в Первопрестольной.

Мы торжественно вступили во дворец и я на какое-то время буквально потеряла дар речи. Парадные апартаменты составляли аж четырнадцать покоев, а к ним примыкали еще восемь покоев обер-камергера (то есть милейшего герцога Бирона, оставшегося при тётушке в Санкт-Петербурге) и множество комнат для придворных. Как я потом выяснила, в этом «маленьком дворце» было больше ста тридцати помещений. Что и говорить, начинала дорогая тётушка свое обустройство в Москве скромнейше. А историки, точно сговорившись, усиленно расписывали обветшавший дворец в Измайлове. Н-да.

Парадные залы блистали прихотливой золоченой резьбой или орнаментами, ее имитировавшими, наложенными на беленый холст. В главном зале и соседствующих с ним помещениях были еще колонны и скульптуры. Но и это, как выяснилось, были только цветочки. Ягодки ожидали меня в личных покоях императрицы: спальне, будуаре и кабинете. Спальня была украшена гирляндами резных цветов и плодов, обшита панелями орехового дерева и увенчана расписным плафоном, где какая-то дебилая барышня, пренебрегая законами гравитации, резвилась с ангелами среди облаков.

Напротив роскошной постели с балдахинном (куда же без него?!) красовался камин изумительной работы, а над ним висело огромное венецианское зеркало в золоченой раме. Но главное богатство находилось в прямом смысле слова у меня под ногами: дубовый штучный паркет, модное и дорогущее новшество. Да, у тетушки в быту явно были спартанские замашки...

Кстати, в покоях, предназначенных для герцога и его семейства, полы были дощатые, а стены отделаны куда более скромно – оштукатурены, покрашены и расписаны не слишком умелой кистью явно крепостного художника. Остальные помещения были еще скромнее. То ли денег не хватило, то ли императрица посчитала, что ее фрейлины и статс-дамы обойдутся обычными комнатами, кстати, с простыми русскими печами, даже не выложенными изразцовой плиткой.

– Какие покои, сударь мой, вы хотели бы занять? – осведомилась я у супруга. – Опочивальня, конечно, у нас будет общая...

– Да мне, сударыня, довольно будет и пары каморок для кабинета и для моего секретаря.

– Каморки тут вряд ли предусмотрены, – заметила я, – разве что для прислуги. Впрочем, думаю, мы с вами сумеем устроиться поудобнее. И на строительство нового дворца не надо тратить.

– Как вам будет угодно, сударыня. У вас ведь еще один дворец есть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.